

ПРАВОВО

ЕЖЕНЕДЕЛЬНАЯ ЮРИДИЧЕСКАЯ ГАЗЕТА

1899 г.

№. 2.

Воскресенье 10 января.

„Право“ издается в С.-Петербургъ под редакціей приватъ-доцента *В. М. Гессена* и *Н. И. Лазаревского* и при ближайшемъ участіи: прив.-доц. *Ф. А. Вальтера*, *Г. В. Гессена*, *О. О. Грузенберга*, прив.-доц. *А. И. Калминка*, *А. А. Левенстиля*, проф. *Л. Г. Петражицкаго* и *В. М. Устинова*.

Содержаніе: 1) По поводу вопроса о цѣнности обычнаго права и его изученія. Проф. *Л. Г. Петражицкаго*. 2) Реформа промысловаго обложенія. Пр.-доц. *В. М. Гессена*. 3) Принятіе въ русское подданство. *М. А. Лозина-Лозинскаго*. 4) Условное осужденіе и народное правосознаніе. Пр.-доц. *А. А. Жижиленко*. 5) Браки русскихъ подданныхъ въ Швейцаріи. *Л. В. Шалландъ*. 6) Право дантистовъ на исключеніе изъ податнаго состоянія (по поводу одной кодификаціонной ошибки). *Э. М. Моргулиса*. 7) Памяти *И. И. Влезкова*. *Е. Д.* 8) Судебный отчетъ. 9) Хроника. 10) Отчетъ по кассационнымъ департаментамъ Пр. Сена за 1897 г. 11) Библиографія.

12) Судебная и судебно-административная практика.

13) Справочный отдѣлъ (на обложкѣ).

РЕДАКЦІЯ (Надеждинская, 7) открыта для личныхъ объясненій по воскресеньямъ отъ 1 ч. до 3 ч. дня.

Статьи, присылаемыя въ редакцію для напечатанія, подлежатъ, въ случаѣ надобности, исправленію и сокращенію. Статьи должны быть присылаемы за подписью автора, съ указаніемъ его адреса. Ненапечатанныя статьи возвращаются по представленію надлежащаго количества марокъ на ихъ пересылку.

Подписная цѣна: на годъ съ доставкой и пересылкой 7 руб., на полгода 4 руб. Допускается разсрочка: при подпискѣ 4 р. и къ первому мая 3 рубля. За границу за годъ—10 руб. Отдѣльные номера продаются по 20 коп.

ГЛАВНАЯ КОНТОРА (Надеждинская, 7) открыта отъ 11 час. до 4 час., кромѣ воскресныхъ и праздничныхъ дней.

По поводу вопроса о цѣнности обычнаго права и его изученія.

Задуманное юридическимъ обществомъ великое и крайне трудное предпріятіе собранія обычаевъ, находящееся теперь въ начальныхъ стадіяхъ своего развитія, нуждается въ симпатіи, правильномъ пониманіи и дѣятельной поддержкѣ со стороны широкаго круга юридической публики; поэтому, ложные слухи и недоразумѣнія въ этой области весьма нежелательны. Такія недоразумѣнія со стороны разныхъ интересующихся дѣломъ собранія обычаевъ лицъ возникли по поводу взглядовъ, выраженныхъ мною и другими въ засѣданіи отдѣленія обычнаго права юрид. общества 25 ноября, точнѣе—по поводу неточной передачи этихъ взглядовъ въ газетныхъ отчетахъ. Между прочимъ, авторъ статьи „Собраніе и разработка юридическихъ обычаевъ“, помѣщенной въ „Сынѣ Отечества“ 1898 г., № 337, и подписанной инициалами Г. К., сообщаетъ читателямъ, что я являюсь сторонникомъ „полнаго запрещенія нашимъ судебнымъ учрежденіямъ примѣнять нормы обычнаго права“ (такихъ враговъ обычнаго права оказалось „не мало“) и не придаю вообще „никакой цѣны обычному праву“, видя въ немъ „продуктъ слѣпыхъ силъ“.

Въ виду этого обстоятельства и принципиальной практической и научной важности вопроса объ обычномъ правѣ, самого по себѣ, считаемъ не лишнимъ сообщить и обосновать вкратцѣ тотъ взглядъ на значеніе и цѣнность обычнаго права, который намъ представляется правильнымъ и свободнымъ отъ крайностей и вредныхъ преувеличеній.

Прежде всего замѣтимъ, что о признаніи обычнаго права „лишеннымъ всякой цѣнности продуктомъ слѣпыхъ силъ“, а равно о желательности „полнаго запрещенія нашимъ судебнымъ учрежденіямъ примѣнять нормы обычнаго права“ въ упомянутомъ засѣданіи отдѣленія обычнаго права и рѣчи не было, нетолько съ моей стороны и со стороны тѣхъ, которые присоединились къ высказанному мною взгляду, но и со стороны другихъ, которые въ своихъ критическихъ замѣчаніяхъ объ обычномъ правѣ пошли дальше въ томъ же направленіи.

Въ частности, что касается меня, то я смотрю на обычное право совершенно иначе. Я вижу въ немъ не „продуктъ слѣпыхъ силъ“ (такого выраженія я никогда не употреблялъ), хотя, съ другой стороны, и не продуктъ сознательнаго расчета, соображеній цѣлесообразности со стороны правосоздателей (это, вѣдь,

по моему убѣжденію, весьма ненаучный и поверхностный взглядъ на развитіе права проводится въ сочиненіяхъ Геринга), а нѣчто третье: обычное право является безсознательно образующимся продуктомъ коллективнаго народнаго опыта; въ немъ заключается инстинктивная народная „мудрость“ эмпирическаго происхожденія.

„Если мы обозрѣмъ настоящія и прошедшія человѣческія учрежденія, то ясно убѣдимся, что важнѣйшія изъ нихъ произошли не путемъ сознательнаго и *цѣлевого* созданія ихъ людьми, а путемъ безсознательнаго зарожденія и роста въ силу безсознательныхъ общественно-культурныхъ *причинъ*. Институтъ частной собственности или предшествующія въ исторіи культуры формы обладанія, моногамическія бракъ или предшествующія формы регулированія семейно-половой сферы, государственное уголовное право или предшествующія формы реакціи противъ злодѣяній etc.—не были созданы и развиты благодаря теоретическому пониманію ихъ значенія и общественно-культурнаго смысла. Теоретическая наука изслѣдуетъ здѣсь лишь *ex post* научное обоснованіе случившагося. То же явленіе встрѣчаемъ мы во всѣхъ областяхъ животнаго и человѣческаго міра. Математики констатировали, что пчелы строятъ соты математически правильно, выбирая такую именно геометрическую форму, которая при *minim* издержки труда и воска вмѣщаетъ *maxim* меду. Эстетики лишь въ новѣйшее время открыли и теоретически обосновали тѣ архитектурныя правила, которыя уже примѣнялись въ древней Греціи, между тѣмъ какъ прежде греческія архитектурныя кривыя лініи считались неправильными. Правила обращенія въ обществѣ развились не изъ теоретическихъ, сознательныхъ положеній, а путемъ безсознательно удачнаго выбора поведенія, создаваемого и одобряемого массовымъ опытомъ. Точно также не цѣль, т. е. сознание и желаніе благихъ результатовъ, не сознательное творчество, а безсознательное приспособленіе дали жизнь великимъ институтамъ права, на которыхъ зиждется общественная жизнь и культура человѣчества. Приспособленіе это происходило путемъ накопленія массы опыта, путемъ накопленія инстинктивнаго отвращенія къ однимъ поступкамъ или общественнымъ явленіямъ, ведущимъ за собою вредныя послѣдствія (напр., ложь, кража, обманъ) и кристаллизацию уваженія и симпатіи къ другимъ явленіямъ, ведущимъ въ массѣ случаевъ къ благимъ результатамъ (напр., уваженіе къ исполненію заключеннаго договора, признаніе чужогаго обладанія, подчиненіе авторитету старѣйшинъ etc.). Отсюда вѣра въ необходимость одного рода поведенія и соответственныхъ правилъ общежитія, скрѣпленная обыкновенно санкціей религіи, съ одной стороны, вѣра въ запрещенность и безбожность другого рода по-

веденія, возмущеніе и озлобленная реакція противъ соответственныхъ поступковъ, съ другой стороны. Не сознательный расчетъ относительно будущаго отдѣльныхъ умныхъ людей, а коллективный, массовый опытъ, воздѣйствіе уже совершившихся фактовъ въ теченіе многихъ поколѣній на массовыя чувства и инстинкты порождаютъ такимъ образомъ предписанія и запрещенія общежитія“¹⁾.

Этотъ взглядъ, очевидно, совсѣмъ непохожій на признаніе обычнаго права лишеннымъ всякой цѣнности продуктомъ слѣпыхъ силъ, проводится, подробнѣе развивается, разъясняется и подтверждается специальными изслѣдованіями во всѣхъ моихъ юридическихъ сочиненіяхъ, начиная съ перваго: „Fruchtvertheilung“ 1892 г. Между прочимъ, нѣкоторые критики этого сочиненія сочли главною его особенностью съ точки зрѣнія направленія изслѣдованія то, что я пытаюсь „инстинктивную и невысказанную экономическую мудрость обычнаго права“ превратить въ сознательныя сужденія и мысли²⁾.

Обычное право, такимъ образомъ, является продуктомъ безсознательнаго творчества, но тѣмъ не менѣе не лишено цѣнности и не является воплощеніемъ неразумія, „слѣпыхъ силъ“. И его развитіе въ теченіе вѣковъ не является случайнымъ блужданіемъ безъ опредѣленнаго направленія и смысла. Напротивъ, изслѣдованіе развитія обычнаго права не только опровергаетъ такой ненаучный взглядъ, но является, по нашему убѣжденію, однимъ изъ самыхъ важныхъ пріемовъ для открытія „закономѣр-

¹⁾ Петражицкій, *Bona fides* въ гражданск. правѣ. 1897, стр. 193 и сл.

²⁾ Такъ напр. Leonhard въ своей критикѣ названнаго сочиненія (*Zeitschr. f. Rechtsgeschichte* V. 14 S. 279), высказавшись въ пользу моихъ пріемовъ „привлеченія политической экономіи для истолкованія источниковъ“ и согласившись, что дѣло идетъ вовсе не о дѣйствіи сознательныхъ хозяйственно-политическихъ расчетовъ при образованіи обычнаго права, даѣе приписываетъ мнѣ слѣдующій взглядъ: „Въ искусствѣ превращать законодательную мудрость обычнаго права въ форму ряда сознательныхъ мыслей видитъ поэтому авторъ главную задачу нашей науки, и не только видитъ ее, а и на дѣлѣ рѣшаетъ, въ изложеніи, которое...“

Впрочемъ, «главной» задачи нашей науки я въ этомъ не вижу. Наука права вообще имѣетъ много задачъ, которыя одинаково важны (исторія, догматика, теорія, политика права—каждая имѣетъ свои задачи, и ни одной изъ нихъ нельзя назвать подчиненною, не главною). Въ моихъ сочиненіяхъ переработка обычнаго права для цѣли добытія скрытой въ немъ «законодательной мудрости» имѣетъ главнымъ образомъ служебную задачу: дать эмпирическія подтвержденія для отдѣльныхъ добытыхъ дедуктивно цивилизно-политическихъ положеній и вмѣстѣ съ тѣмъ показать, что (и путемъ какихъ научныхъ пріемовъ) мы можемъ утилизировать обычно-правовой матеріалъ для цѣлей науки политики права. Ср. о примѣненіи индуктивнаго метода и матеріала для индуктивной переработки въ области политики права *Lehre v. Einkommen*, 2-й томъ, стр. 581 и сл.

наго“ порядка и причиннаго объясненія развитія человѣческой культуры вообще, въ частности и исторіи нравственности, религіи, экономіи...

Но изъ такого общаго взгляда на обычное право вовсе не слѣдуетъ, чтобы каждый отдѣльный обычай былъ разумнымъ. Напротивъ, возможны и неразумные, вредные обычаи; человѣческіе обычаи имѣютъ и свою патологию¹⁾. Выставленное выше положеніе объ отложеніи и выраженіи эмпирической народной мудрости въ обычномъ правѣ слѣдуетъ разсматривать, какъ формулу общей тенденціи развитія, осуществляющейся на дѣлѣ въ той мѣрѣ, въ какой проявленіе ея не осложняется разными другими факторами, мѣшающими здоровому и безпрепятственному развитію. Изложеніе условій нормальнаго и безпрепятственнаго развитія обычнаго права, а равно и разныхъ причинъ фактическаго отклоненія отъ здороваго пути развитія потребовало бы здѣсь слишкомъ много мѣста. Ограничимся здѣсь намекомъ, что въ самой природѣ человѣка, homo sapiens, и человѣческихъ обществъ, особенно при неравномерномъ культурномъ развитіи и взаимномъ психическомъ вліяніи отдѣльныхъ обществъ и различныхъ классовъ того же общественнаго союза, коренится обильный источникъ появленія такихъ своеобразныхъ патологическихъ явленій, которыя немислимы, напр., въ прочемъ животномъ и растительномъ царствѣ (субвѣріе, предразсудки, наивныя или корыстныя лжеученія и соотвѣтственное поведеніе, несвоевременныя заимствованія, быстрота измѣненій техники и иныхъ условій и слишкомъ медленное физическое, психическое, общественное приспособленіе къ этимъ измѣненіямъ etc. etc.). Исторія человѣчества и его современныя бытъ даютъ намъ массу примѣровъ всевозможнаго рода болѣзненныхъ общественныхъ явленій, въ томъ числѣ и разныхъ аномальныхъ и даже зловредныхъ обычаевъ, подчасъ являющихся причиною дальнѣйшихъ болѣзней или даже полнаго разложенія и упадка даннаго общественнаго организма.

Изъ признанія общей бессознательно-разумной (эмпирической) основы обычнаго права и возможности разныхъ болѣзненныхъ отклоненій вытекаетъ: съ одной стороны, сознание пользы и необходимости этого источника права въ тѣ эпохи культуры, когда сознательный практической разумъ еще не достигъ достаточной степени развитія, чтобы люди вообще могли или могли достаточно разумно устривать свой правовой бытъ сознательнымъ путемъ; но, съ другой стороны, рядомъ съ общимъ уваженіемъ къ обычному праву, какъ необходимому и разумному элементу и фактору человѣческой культуры, изъ сказаннаго выше вытекаетъ для

насъ необходимость критики отдѣльныхъ проявленій обычнаго права и возможность отрицательнаго къ нимъ отношенія, какъ къ общественно-патологическимъ явленіямъ, противъ которыхъ слѣдуетъ бороться, какъ и противъ всякой другой болѣзни.

Но если мы и оставимъ въ сторонѣ патологическія явленія и предположимъ, что есть на лицо условія вполне здороваго и нормальнаго развитія обычнаго права, и поставимъ вопросъ принципиально: что лучше: бессознательное, эмпирическое развитіе права путемъ обычая или сознательная политика права, дѣйствующая путемъ законодательства (конечно, и здѣсь мы предполагаемъ здоровое и разумное направленіе и развитіе),—то этотъ теоретическій и гипотетическій вопросъ слѣдуетъ рѣшить противъ обычнаго права и въ пользу сознательной политики.

Этотъ отвѣтъ вытекаетъ изъ превосходства сознанія предъ отсутствіемъ сознанія, т. е. предъ его суррогатомъ, бессознательнымъ или полусознательнымъ приспособленіемъ путемъ воздѣйствія фактовъ. Не останавливаясь на теоретическомъ обоснованіи этого положенія, что было бы излишне и завело бы насъ въ обширныя и сложныя области другихъ наукъ (теорія человѣческаго познанія, теорія бессознательной эволюціи и т. д.), мы только для наглядности приведемъ нѣсколько примѣровъ: система сельскаго хозяйства по обычаю предковъ и наука агрономіи; народная обычная бессознательная медицина, гигиена и соотвѣтственныя науки; быстрое и успѣшное развитіе средствъ сообщенія и техники производства подъ вліяніемъ соотвѣтственныхъ естественныхъ и техническихъ наукъ. Всматриваясь въ эти и подобныя явленія, мы не только замѣчаемъ, что съ теченіемъ времени сознательный элементъ побѣждаетъ и вытѣсняетъ бессознательный, но и ясно видимъ проявленія превосходства сознательнаго разума и развитія. Мы видимъ не только замѣчательное ускореніе и облегченіе (уменьшеніе необходимыхъ жертвъ) прогресса подъ вліяніемъ усиленія господства сознательнаго элемента, но и достиженіе такихъ успѣховъ, которыхъ вообще путемъ бессознательной эмпирики смѣняющихся поколѣній и обычая достигнуть было бы невозможно. Эти, ясно подтверждаемыя опытомъ и наблюденіемъ, истины остаются истинами и въ области права.

Сознательная политика должна вести къ болѣе скорому и качественно лучшему развитію, нежели обычное право.

1. Пока массы общественныхъ фактовъ постепенно кристаллизуются въ извѣстныя чувства и инстинктивныя стремленія, пока эти стремленія постепенно сгустятся въ правовыя возрѣнія, которыя, наконецъ, превратятся въ положительное право, должно пройти продолжительное время; это время потеряно напрасно, и его можетъ сберечь сознательное обнаруже-

¹⁾ Ср. Lehre v. Einkommen, II, стр. 483.

ніе потребности въ соотвѣтственной нормѣ права (ускореніе прогресса).

2. Народная эмпирика, опытъ, который ведетъ къ развитію, т. е. постепенному измѣненію и приспособленію обычнаго права къ новымъ условіямъ, часто является весьма горькимъ опытомъ. Пока противъ какой-либо уже негодной нормы обычнаго права или недостатка какой-либо нормы явится достаточная враждебная реакція народнаго „правосознанія“ (терминъ этимологически неточный, потому что онъ означаетъ именно безсознательные и наивные правовые постулаты), потребуются много жертвъ, много несчастія, слезы и горя, достаточнаго накопленія горькаго опыта, чтобы возбудить достаточное массовое неудовольствіе и превозмочь инертную силу прежней, теперь уже вредной обычной нормы. Здѣсь законодатель можетъ путемъ сознательной и разумной политики права устранить необходимость этихъ жертвъ. Дедуктивное политическое мышленіе можетъ прежде предвидѣть необходимость измѣненія права, чѣмъ наступитъ этотъ горькій опытъ, необходимый для обычнаго права по самому существу его, какъ результата эмпирики (облегченіе прогресса, сбереженіе и предупрежденіе жертвъ и бѣдствій).

3. Наконецъ, путемъ сознательной политики можно достигнуть такихъ успѣховъ, которые по самому существу ихъ недостижимы путемъ обычая. Какъ безъ научнаго техническаго мышленія, путемъ опыта смѣняющихся поколѣній, нельзя было бы достигнуть развитія телефоновъ, фонографовъ etc., такъ и достиженіе многихъ нормъ права невообразимо при исключительномъ обычно-правовомъ развитіи.

Изъ вышеизложенныхъ положеній вытекаетъ, что въ дѣйствительной исторической жизни взаимное отношеніе между сознательною политикою и обычаемъ на различныхъ ступеняхъ культуры должно быть различно, сообразно существованію условій для успѣшнаго дѣйствія того и другого элемента. Но во всякомъ случаѣ идеалъ состоитъ въ вытѣсненіи обычнаго права сознательною разумною политикою и переходъ къ ней тѣмъ необходимо, чѣмъ быстрѣе измѣненія другихъ явленій культуры, напр., состоянія производства и распределенія хозяйственныхъ благъ; ибо, какъ мы выше упомянули, приспособленіе путемъ обычнаго права къ новымъ условіямъ совершается медленно и требуетъ много жертвъ, такъ что негодность обычнаго права съ этой точки зрѣнія прямо пропорціональна быстротѣ развитія другихъ сторонъ культуры.

Если мы, установивъ эти общія теоремы, обратимся къ современнымъ условіямъ развитія и дѣйствія обычнаго права на западѣ и въ Россіи, съ одной стороны, и къ воззрѣніямъ современной науки на обычное право, съ другой стороны, то мы легко убѣдимся, что между первыми и вторыми существуетъ рѣзкое несо-

отвѣтствіе и что вообще традиціонные взгляды на обычное право не отличаются научною ясностью и глубиною и нуждаются въ коренномъ пересмотрѣ.

Л. Петражицкій.

(Продолженіе слѣдуетъ.)

Реформа промысловаго обложенія.

I.

Цѣли реформы.

Существенные недостатки дѣйствовавшаго у насъ до послѣдняго времени законодательства о налогахъ съ торговли и промышленности не подлежатъ никакому сомнѣнію. Крайняя неуравнительность обложенія, — несправедливый льготы въ отношеніи къ предпріятіямъ наиболѣе крупнымъ и доходнымъ и, наоборотъ, обременительность обложенія для предпріятій мало доходныхъ и мелкихъ; — широкій просторъ, предоставленный закономъ усмотрѣнію податной администраціи, въ связи съ отсутствіемъ достаточныхъ мѣръ, гарантирующихъ интересы и права плательщиковъ отъ произвола податныхъ присутствій; отсутствіе какого бы то ни было единства въ системѣ промысловаго обложенія, равно какъ пропорціональности между увеличеніемъ государственныхъ доходовъ, съ одной стороны, и естественнымъ развитіемъ торговли и промышленности, съ другой, — все это давнымъ давно требовало возможно болѣе полной и рѣшительной реформы.

Приступая къ реформѣ, министерство финансовъ поставило себѣ цѣлью устраненіе наиболѣе важныхъ недостатковъ дѣйствующаго законодательства.

Изъ мотивовъ къ проекту видно, что забота объ интересахъ плательщиковъ, понимаемыхъ широко и рационально, должна была лечь въ основу проектируемой реформы. Комиссія, выработавшая законопроектъ, „самымъ кореннымъ“ недостаткомъ существующаго обложенія признавала *неуравнительность* его, въ связи съ *обременительностью* для мелкихъ предпріятій; въ виду этого „главной задачей“ реформы, по ея мнѣнію, должно явиться осуществленіе какъ *уравнительности* обложенія, такъ и вообще возможной справедливости по отношенію къ плательщикамъ. Справедливость эта въ особенности необходима въ отношеніи къ предпріятіямъ мелкимъ и малосильнымъ; какъ видно изъ мотивовъ, проектируемое обложеніе должно совпадать съ общими задачами торговой политики министерства финансовъ — всевозможными способами покровительствовать развитію отечественной торговли и промышленности, облегчая первые шаги новыхъ и потому мало доходныхъ предпріятій; и въ то же время не ослаблять источниковъ дохода казны отъ промысловаго

обложения съ болѣе крупныхъ и сильныхъ предпріятій.

На ряду съ необременительностью и уравнительностью обложения, законодательная реформа, какъ видно изъ мотивовъ, стремится и къ осуществленію *правомѣрности* его. Она должна облегчить плательщикамъ возможность представлять возраженія на раскладку и подавать жалобы на неправильныя постановленія губернскихъ присутствій; она должна создать новый порядокъ производства дѣлъ по торговымъ правонарушеніямъ, ограждающій въ болѣе высокой степени права и интересы частныхъ лицъ.

Что касается другой стороны вопроса—финансовыхъ цѣлей реформы, то онѣ, какъ видно изъ мотивовъ, отнюдь не заключаются въ непосредственномъ увеличеніи доходности промысловаго обложения. Комиссія, выработавшая первоначальный законопроектъ, вполне признавала чрезвычайную сложность и трудность реформы промысловаго обложения, необходимость *крайней осторожности* въ виду возможности поколебать реформою одинъ изъ важнѣйшихъ источниковъ государственныхъ доходовъ и затруднить развитіе торговли и промышленности. Да и кромѣ того, какъ справедливо указывала та же комиссія, доходность промысловаго обложения за послѣдніе 30 лѣтъ увеличилась весьма значительно, а именно—почти въ 7 разъ. Такого роста не представляетъ ни одинъ изъ нашихъ прямыхъ налоговъ, вслѣдствіе чего, казалось бы, дальнѣйшее увеличеніе доходности обложения можетъ отразиться печальнымъ образомъ на развитіи торговопромышленнаго дѣла.

Всѣ эти соображенія имѣлись въ виду составителями законопроекта; и если, тѣмъ не менѣе, благодаря реформѣ промысловаго обложения, министерствомъ финансовъ ожидается приростъ ежегодныхъ доходовъ въ размѣрѣ 8 милл. рублей, то этотъ приростъ является, главнымъ образомъ, результатомъ—разумѣется, весьма благопріятнымъ, но въ значительной степени *непредназначеннымъ*—цѣлаго ряда нововведеній (какъ на примѣръ, налога съ капитала для подотчетныхъ предпріятій и процентнаго сбора съ прибыли для предпріятій, не обязанныхъ публичной отчетностью), мотивированныхъ *исключительно* стремленіемъ къ болѣе высокой уравнительности и справедливости обложения, а отнюдь не къ болѣе высокой доходности его.

Финансовой цѣлью реформы является, прежде всего, *упорядоченіе* нашего промысловаго обложения, замѣна разновременныхъ и другъ съ другомъ несогласованныхъ законовъ о промысловомъ обложеніи однимъ и единымъ положеніемъ о государственномъ промысловомъ налогѣ.

Далѣе, созданный такимъ образомъ промысловый налогъ долженъ имѣть, такъ сказать, „органическій“ характеръ; онъ долженъ быть способенъ къ естественному, постоянному

и непрерывному развитію,—развитію изнутри, а не извнѣ,—причиной котораго явилось бы ответственное развитіе торговли и промышленности, а не искусственное повывшеніе законодательнымъ путемъ высоты процента дополнительнаго процентнаго сбора, или такое же искусственное увеличеніе окладовъ патентнаго и контингентовъ раскладочнаго сбора.

Такова,—въ общихъ чертахъ,—основная цѣль, поставленная реформѣ промысловаго обложения министерствомъ финансовъ.

Посмотримъ теперь, насколько эта цѣль осуществлена реформой.

Но, прежде всего, нѣсколько словъ о системѣ новаго обложения.

Государственный промысловый налогъ слгагается изъ двухъ главныхъ частей—основнаго и дополнительнаго налога. Основной налогъ взимается, по патентной системѣ, въ постоянныхъ окладахъ посредствомъ выборки промысловыхъ свидѣтельствъ различной стоимости, въ зависимости отъ класса мѣстности и разряда торговопромышленныхъ предпріятій и занятій (ст. 3); при этомъ промысловыя свидѣтельства должны быть выбираемы на *каждое отдѣльное* торговое или промышленное заведеніе или личное промысловое занятіе (ст. 41).

Дополнительный налогъ имѣетъ совершенно различный характеръ, въ зависимости отъ того, взимается ли онъ съ предпріятій, обязанныхъ публичной отчетностью, или съ предпріятій, публичной отчетностью не обязанныхъ. Съ предпріятій подотчетныхъ онъ взимается въ формѣ, во-1-хъ, налога съ капитала, а во-2-хъ, прогрессивнаго процентнаго сбора съ прибыли; съ предпріятій частновладельческихъ — въ формѣ, во-1-хъ, раскладочнаго сбора и, во-2-хъ, процентнаго (но не прогрессивнаго) сбора съ прибыли.

Необходимо замѣтить, что, по своей природѣ и по своему значенію, налогъ съ капитала, взимаемый съ предпріятій подотчетныхъ, и процентный сборъ, взимаемый съ частновладельческихъ предпріятій, тѣснѣйшимъ образомъ связаны съ основнымъ промысловымъ налогомъ, взимаемымъ по патентной системѣ. Въ окончательномъ проектѣ министерства финансовъ налоги эти, дѣйствительно, регламентируются во второй главѣ (о перемѣнныхъ окладахъ) перваго раздѣла (объ основномъ промысловомъ налогѣ). И хотя, въ видахъ внѣшней систематичности, въ проектѣ, исправленномъ по порученію соединенныхъ департаментовъ Государственнаго Совѣта, равно какъ въ Высочайше утвержденномъ положеніи о госуд. промысл. налогѣ, налогъ на капиталъ и процентный сборъ отнесены къ категоріи дополнительнаго налога, тѣмъ не менѣе внутренняя ихъ связь съ основнымъ осталась нетронутой.

Согласно ст. 92 положенія, налогъ съ капитала уплачивается въ размѣрѣ 15 коп. съ каждой сотни рублей основнаго капитала пред-

пріятія (1,5 pro mille); приче́мъ, по ст. 93, въ уплату налога съ капитала зачитывается сумма основнаго промысловаго налога, уплаченная по все́мъ принадлежащимъ предпріятію заведеніямъ и складочнымъ помѣщеніямъ. Если же эта сумма окажется выше той, какая причитається съ предпріятія въ видѣ налога съ капитала, то послѣдній не взимается вовсе. Такимъ образомъ, для предпріятія, уплачивающихъ налогъ съ капитала въ высшемъ размѣрѣ, нежели причитающійся съ нихъ патентный налогъ, оба эти налога являются, въ сущности, однимъ и тѣмъ же налогомъ съ капитала въ 1,5 руб. pro mille, уплачиваемымъ частью по патентной системѣ, частью по окладной; приче́мъ та часть, которая уплачивается при выборкѣ промысловыхъ свидѣтельствъ, является какъ бы задаткомъ въ счетъ общаго обложенія основныхъ капиталовъ.

Что касается процентнаго сбора съ прибыли, установленнаго для предпріятія, не обязанныхъ публичной отчетностью, то, согласно ст. 149 положенія, онъ взимается лишь съ той части исчисленной для обложенія раскладочнымъ сборомъ прибыли, которая превышаетъ увеличенный въ тридцать разъ окладъ основнаго промысловаго налога, уплаченнаго за данное предпріятіе или личное промысловое занятіе; приче́мъ, по 150 ст., процентный сборъ взимается въ размѣрѣ одного рубля съ каждыхъ тридцати рублей упомянутаго въ предыдущей статьѣ излишка прибыли. Не трудно замѣтить, что ст. 149 и 150 Положенія, съ одной стороны, и вышеуказанныя ст. 92 и 93, съ другой, выражаютъ въ различной редакціи одинъ и тотъ же принципъ. И относительно предпріятія, не обязанныхъ публичной отчетностью, было бы и проще и лучше сказать, что они облагаются процентнымъ сборомъ въ размѣрѣ одного рубля съ каждыхъ тридцати рублей прибыли съ тѣмъ, чтобы въ уплату этого сбора зачтена была сумма основнаго промысловаго налога, уже уплаченная предпріятіемъ. Почему въ данномъ случаѣ предпочтена была другая, менѣе удачная редакція — неизвѣстно; но какъ бы то ни было, ясно, что и въ данномъ случаѣ для предпріятія, уплачивающихъ дополнительный процентный сборъ въ высшемъ размѣрѣ, нежели патентный, основной и дополнительный процентный налоги являются, въ сущности, однимъ и тѣмъ же налогомъ въ $3\frac{1}{3}\%$ съ нормальной прибыли, уплачиваемымъ частью по патентной системѣ, частью по окладной.

Второю формой дополнительнаго налога, какъ указано выше, является прогрессивный процентный сборъ съ прибыли, падающій на предпріятія подотчетныя, и раскладочный сборъ, падающій на частновладѣльческія предпріятія.

Процентный сборъ съ акціонерныхъ предпріятія, въ размѣрѣ 5% съ прибыли, введенъ

у насъ впервые закономъ 15 января 1885 г. Положеніе о госуд. промысловомъ налогѣ существенно реорганизуе́тъ этотъ сборъ, освобождая отъ него предпріятія, чистая прибыль которыхъ не превышаетъ 3% на основной капиталъ, и облагая прочія предпріятія прогрессивнымъ процентнымъ сборомъ въ размѣрѣ 3% при прибыли свыше 3% и до 4%, на основной капиталъ, въ размѣрѣ 4% при прибыли свыше 4% и до 5% и т. д.; предпріятія, приносящія прибыль отъ 9% до 10%, облагаются процентнымъ сборомъ изъ 6%; получающія чистую прибыль свыше 10% на основной капиталъ уплачиваютъ 6% со всей суммы прибыли и, сверхъ того, еще 5% съ той суммы чистой прибыли, которая превышаетъ десять процентовъ на означенный капиталъ (ст. 98).

Что касается дополнительнаго раскладочнаго сбора съ предпріятія частновладѣльческихъ, то положеніе о госуд. промысловомъ налогѣ вводитъ рядъ новыхъ мѣръ, направленныхъ къ упорядоченію его.

До настоящаго времени, по законамъ 1885, 1889 и 1893 гг., сумма раскладочнаго сбора опредѣлялась особо для предпріятія гильдейскихъ, негильдейскихъ и уплачивающихъ акцизные сборы; взиманіе этого налога съ каждой категоріи означенныхъ предпріятія вѣдалось особыми присутствіями на основаніи особыхъ правилъ. Положеніе объединяетъ какъ раздробленную на три части сумму дополнительнаго раскладочнаго сбора, такъ точно и учрежденія, вѣдающія этотъ сборъ, и порядокъ раскладки и взиманія его.

Въ то время какъ до сихъ поръ суммы раскладочнаго сбора опредѣлялись законодательнымъ порядкомъ на три года какъ по всей Имперіи, такъ и по каждой губерніи въ отдѣльности, Положеніе, оставляя прежнимъ порядокъ опредѣленія общей на Имперію суммы раскладочнаго сбора (ст. 118), вводитъ новый порядокъ для распредѣленія этой суммы между губерніями и областями. Въ интересахъ большей уравнительности, такое распредѣленіе производится ежегодно, сообразно степени развитія въ отдѣльныхъ губерніяхъ торговли и промышленности, особымъ по промысловому налогу присутствіемъ, образованнымъ при департаментѣ торговли и мануфактуръ.

Наконецъ, распредѣленіе раскладочнаго сбора между отдѣльными плательщиками, по новому Положенію, производится не сообразно „предполагаемымъ прибылямъ“, порядокъ исчисленія которыхъ не указанъ въ законѣ, а сообразно „нормальной прибыли съ действительныхъ оборотовъ, исчисленіе которыхъ подробно и точно регламентируется закономъ.“

Таковы — въ самыхъ общихъ чертахъ — основныя начала только-что осуществленной реформы нашего промысловаго обложенія.

Переходя къ ея обсужденію, — съ точки зрѣнія

тѣхъ цѣлей, которыя предуказаны ей самимъ министерствомъ финансовъ,—мы должны оставаться, прежде всего, на основномъ промышленномъ налогѣ.

Къ числу наиболѣе важныхъ нововведеній несомнѣнно относится статья 41 Положенія о госуд. промышленномъ налогѣ. Какъ извѣстно, согласно ст. 249 и 250 Положенія о сборѣ за право торговли и промысловъ, купцамъ 1-й гильдіи предоставлено право содержать до десяти, а второй—до пяти торговыхъ и промышленныхъ заведеній; въ настоящее время какъ указано выше промышленныя свидѣтельства должны быть выбираемы на каждое отдѣльное торговое или промышленное заведеніе или отдѣльное личное промышленное занятіе.

Если принять во вниманіе ту тѣсную связь, какая существуетъ между основнымъ (патентнымъ) налогомъ, съ одной стороны, и налогомъ съ капитала или процентнымъ сборомъ съ прибыли, съ другой, то станетъ очевиднымъ, что указанное нововведеніе для предпріятій крупныхъ, т. е. съ большимъ основнымъ капиталомъ или весьма доходныхъ, отнюдь не представляется обременительнымъ. Если бы указанныя предпріятія выбирали, по прежнему, для всѣхъ или многихъ принадлежащихъ имъ заведеній по одному промышленному свидѣтельству, въ такомъ случаѣ имъ пришлось бы соответственно больше уплатить въ видѣ налога на капиталъ или процентнаго сбора съ прибыли; и наоборотъ, выбирая нѣсколько промышленныхъ свидѣтельствъ, т. е. уплачивая большую сумму основнаго налога, они уплачиваютъ соответственно меньшую дополнительнаго. И въ томъ и въ другомъ случаѣ они одинаково обложены изъ 1,5 pro mille капитала, или 3¹/₃% съ прибыли.

Совершенно иное приходится сказать о предпріятіяхъ мелкихъ, малоходныхъ или прямо убыточныхъ; именно эти предпріятія, покровительство которымъ объявлено важнѣйшею цѣлью реформы, благодаря ст. 41 Положенія, оказываются обложенными свыше всякой мѣры. И если прежде, при дѣйствіи Положенія о сборѣ за право торговли, обложеніе патентнымъ сборомъ предпріятій малоходныхъ или убыточныхъ нерѣдко являлось чрезмерно обременительнымъ, но теперь эта обременительность необходимо должна возрасти пропорціонально числу заведеній, принадлежащихъ одному и тому же предпріятію.

Такимъ образомъ, казалось бы, разсматриваемое нововведеніе прямо идетъ въ разрѣзъ съ руководящею цѣлью реформы; а между тѣмъ, врядъ-ли можно привести сколько нибудь вѣское соображеніе въ подтвержденіе необходимости или желательности его. Указываютъ, между прочимъ, на подыменную торговлю. Дѣйствительно, такая торговля была возможной и часто практиковалась при дѣйствіи Положенія о сборѣ за право торговли,

когда патентнымъ сборомъ облагалось одно заведеніе, а всѣ остальные, принадлежащія тому же предпріятію, были вовсе свободны какъ отъ патентнаго, такъ и отъ всякаго другаго ему соответственнаго налога. Но въ настоящее время, благодаря введенію въ систему промышленнаго обложенія процентнаго сбора съ прибыли, взимаемаго съ не акціонерныхъ предпріятій, подыменная торговля даже при выборкѣ одного промышленнаго свидѣтельства, оказалась бы вполне невозможной, ибо при доходности предпріятія всѣ принадлежащія ему заведенія, и каждое изъ нихъ въ отдѣльности, по дѣйствующему Положенію уплачиваютъ *одинъ и тотъ же налогъ* въ 3¹/₃% съ нормальной прибыли. Иначе говоря, въ настоящее время, даже при выборкѣ одного промышленнаго свидѣтельства, промышленный налогъ падалъ бы не на предпринимателя, какъ прежде, а на самое предпріятіе; всѣ заведенія, принадлежащія одному и тому же лицу, были бы обложены однимъ и тѣмъ же налогомъ, съ тою только разницею, что съ перваго заведенія этотъ налогъ взимался бы частью въ видѣ патентнаго, частью въ видѣ дополнительнаго процентнаго сбора, тогда какъ со всѣхъ остальныхъ исключительно и вполне въ видѣ процентнаго сбора. При такихъ условіяхъ о подыменной торговлѣ, разумѣется, не можетъ быть и рѣчи.

Основная задача торговой политики, по справедливому замѣчанію комиссіи, выработавшей первоначальный проектъ реформы, должна заключаться въ томъ, чтобы всѣми способами покровительствовать развитію отечественной торговли и промышленности, облегчая первые шаги новыхъ и потому малоходныхъ предпріятій; именно съ этой точки зрѣнія нельзя не отнести отрицательно къ обложенію патентнымъ сборомъ всѣхъ заведеній, принадлежащихъ одному и тому же предпріятію, т. е. не только главнаго, какъ прежде, но и второстепенныхъ, филиальныхъ, состоящихъ при главномъ. Сплошь и рядомъ, пользуясь широко развитымъ кредитомъ, или въ виду случайно прибрѣтенной обширной партіи товара, торговецъ открываетъ на новомъ мѣстѣ одно или нѣсколько новыхъ предпріятій, заранѣе не разчитывая на первыхъ порахъ на прибыль, но надѣясь въ послѣдствіи создать или развитъ спросъ и, такимъ образомъ, расширить свои обороты. Само собою разумѣется, что необходимость немедленной выборки промышленнаго свидѣтельства заставить торговца въ значительномъ числѣ случаевъ отказаться отъ такого расширенія своей торговой дѣятельности, въ высшей степени желательнаго въ интересахъ развитія торговли и промышленности. И точно также съ полнымъ основаніемъ можно думать, что, благодаря новому Положенію, многіе торговцы и промышленники, имѣвшіе прежде по нѣскольку заведеній, поспѣшатъ закрыть тѣ изъ нихъ, которыя въ настоящее время приносятъ недостаточный

доходъ, хотя бы въ послѣдствіи они могли развиться и, увеличивъ такимъ образомъ дополнительный процентный сборъ съ прибыли, послужить новымъ источникомъ дохода для казны. Не подлежитъ сомнѣнію, что реформа нашего промысловаго обложенія окажетъ значительное содѣйствіе замѣтному стремленію современной торговли и промышленности въ централизаціи, къ образованію немногочисленныхъ, но крупныхъ предприятий, убивающихъ мелкую промышленность и являющихся монополистами торговыхъ цѣвъ. Новѣйшая финансовая политика Франціи по отношенію къ такъ называемымъ „большимъ магазинамъ“ (Grands magasins) лучше всего доказываетъ крайнюю нежелательность и даже опасность такого явленія.

Вообще, необходимо признать, что остроумное сочетаніе основнаго (патентнаго) налога съ налогомъ на капиталъ и процентнымъ сборомъ съ прибыли приводитъ къ уравнительности обложенія во вѣсхъ тѣхъ случаяхъ, когда, увеличивая поступления съ крупныхъ предприятий, эта уравнительность оказывается выгодной для казны; напротивъ, въ отношеніи къ предприятиямъ слабымъ—малодоходнымъ и убыточнымъ—объ уравнительности обложенія не можетъ быть и рѣчи: въ этомъ случаѣ, *исключительно въ интересахъ фиска*, по новому закону, обложеніе становится еще болѣе обременительнымъ, чѣмъ прежде.

(Продолженіе слѣдуетъ)

Вл. Гессенъ.

Принятіе въ русское подданство.

(Окончаніе ¹⁾).

Перечисливъ случаи принятія русскаго подданства иностранцами въ льготномъ порядкѣ, безъ участія министра внутр. дѣлъ, въ силу субъективнаго права, мы остановимся на тѣхъ условіяхъ, выполненіе которыхъ иностранцами необходимо для принятія ихъ въ подданство и въ общемъ и въ льготномъ порядкѣ.

Во 1-хъ, на основаніи ст. 1018 зак. сост., они должны представить акты своего состоянія, т. е. документы о рожденіи, семейномъ положеніи, вѣроисповѣданіи и сословномъ происхожденіи (ср. ст. 1032 и слѣд. зак. сост. т. IX изд. 1876 г.). Практика Прав. Сената считаетъ безусловно необходимымъ одинъ документъ—метрическое свидѣтельство о рожденіи и крещеніи, такъ какъ изъ него самого и изъ надписей, на немъ дѣлаемыхъ, можно усмотрѣть всѣ данныя о состояніи лица, желающаго вступить въ подданство. Отъ дѣтей иностранцевъ,

не родившихся въ Россіи, но получившихъ воспитаніе въ русскихъ высшихъ или среднихъ учебныхъ заведеніяхъ, желающихъ воспользоваться ст. 1023 зак. сост., требуются аттестаты этихъ заведеній объ окончаніи курса наукъ; отъ желающихъ вступить въ подданство по ст. 1024 удостовѣреніе о времени принятія ихъ родителями въ русское подданство; отъ женщинъ, возвращающихся въ русское подданство послѣ прекращенія брака съ иностранцами—свидѣтельство о смерти мужа или о разводѣ съ нимъ; то-же должны представить и дѣти отъ этихъ браковъ и т. д. По буквальному смыслу ст. 1018 зак. сост., на которую содержится ссылка въ ст. 1023 и 1024, законъ требуетъ представленія иностранцемъ актовъ состоянія, составленныхъ сообразно формамъ, принятымъ въ его отечествѣ и завѣренныхъ нашими дипломатическими агентами и министромъ иностранныхъ дѣлъ, или когда въ отечествѣ просителя нѣтъ российскихъ агентовъ, то самимъ министерствомъ. Слѣдую буквѣ закона, администрація отказывала принять въ подданство иностранцевъ, просившихъ о томъ на основаніи ст. 1023 и 1024 зак. сост. и представившихъ метрическія свидѣтельства о рожденіи въ Россіи, составленные по русскимъ законамъ. Прав. Сенатъ разъяснилъ, что для иностранцевъ, родившихся въ Россіи, метрическіе документы (свидѣтельства, выписи), совершенные по русскимъ законамъ, должны быть признаны равносильными иностраннымъ актамъ состоянія, предусмотрѣннымъ ст. 1018 зак. сост. (опр. 1-го д-та 30 марта 1894 г. по д. Луцевскаго, 15 марта 1895 г. по д. Шотта, 24 января 1896 г. по д. Шмидта и мн. др.).

Во-2-хъ, отъ иностранцевъ мужскаго пола, подлежащихъ по законамъ своего отечества воинской повинности, если они—подданные державы, съ которою Россіею заключена картель о выдачѣ лицъ, подлежащихъ конскрипціи, требуется представленіе свидѣтельства въ томъ, что они исполнили воинскую повинность или же отъ нея свободны (ст. 1019, 1023, 1024 зак. сост.). Это требованіе закона, насколько намъ извѣстно, никакого примѣненія на практикѣ не имѣетъ: старыя картельныя конвенціи съ Пруссіей, Австріей и Саксоніей утратили свое значеніе, новыхъ, повидимому, Россіею не заключено ни съ одною державою ¹⁾.

Въ 3-хъ, для принятія въ русское подданство необходимо, какъ уже отмѣчено выше, согласно ст. 4, 1015, 1023, 1024 зак. сост., достиженіе совершеннолѣтія, причемъ, какъ на основаніи русскаго законодательства, такъ и по общимъ соображеніямъ права, совершеннолѣтіе должно опредѣляться по законамъ государства, принимающаго иностранца въ свое

¹⁾ Въ предыдущемъ №, въ статью М. А. Лозинскаго вкралась опечатка: рѣшеніе Пр. Сената по д. Диманта, о которомъ упоминается на стр. 27, состоялось не въ 1885 г., какъ напечатано, а въ 1895 г., 12 апрѣля.

¹⁾ Ср. циркуляръ мин. вн. дѣлъ 3 марта 1876 г. № 40, напечатанный въ сб. Мыша «Объ иностранцахъ въ Россіи» Спб. 1888 г. стр. 345.

подданство, а не по законамъ его отечества. Прежде всего, когда русскій законъ употребляетъ выраженіе „совершеннолѣтіе“, не дѣлая никакихъ оговорокъ, то выраженіе это необходимо понимать въ соответствии со ст. 213 зак. гражд. т. X ч. изд. 1887 г., опредѣляющей совершеннолѣтній возрастъ достиженіемъ 21 года. Такова во всякомъ случаѣ презумпція, которую можно опровергать, но доказывать не нужно. Что же можно противопоставить этой презумпціи? Единственно положеніе теоріи международнаго права о томъ, что дѣеспособность иностранца опредѣляется его національнымъ закономъ, а не территориальнымъ закономъ того государства, въ которомъ онъ находится ¹⁾. Но, признавая правильность этого положенія, нельзя не замѣтить, что оно должно имѣть примѣненіе лишь относительно пользованія иностранцемъ тѣми правами, осуществленіе которыхъ не выводитъ его изъ подданства его отечеству; для принятія же русскаго подданства, которое разсматривается нашими законами, какъ пріобрѣтеніе правъ состоянія, безусловно необходимо достигнуть совершеннолѣтія по русскому закону, безъ чего нельзя вступить въ пользованіе правами состоянія (ст. 4 зак. сост.). Несовпаденіе между русскими и иностранными законами о совершеннолѣтіи можетъ выразиться или въ томъ, что иностранецъ, по законамъ своего отечества, достигнетъ совершеннолѣтія ранѣе 21 года, или, напротивъ, позже. Въ первомъ случаѣ вопросъ вполне покрывается вышеприведенными соображеніями, во второмъ же случаѣ онъ оказывается нѣсколько сложнѣе, но не съ точки зрѣнія русскаго закона, а лишь въ виду того, что по законамъ отечества иностранца его несовершеннолѣтіе можетъ оказаться препятствіемъ къ выходу изъ подданства. Однако, пока наше законодательство не требуетъ для принятія въ русское подданство иностранца представленія удостовѣренія его правительства о неимѣнии препятствія къ его увольненію, до тѣхъ поръ это обстоятельство не можетъ имѣть юридическаго значенія. Если же нашимъ законодательствомъ будетъ усвоено справедливое требованіе о томъ, чтобы иностранецъ, желающій принять подданство Россіи, предварительно заручился согласіемъ на это своего правительства, то и въ такомъ случаѣ юридическое значеніе будетъ принадлежать этому согласію иностраннаго правительства, а не достиженію совершеннолѣтія по иностраннымъ законамъ.

Русское законодательство, опредѣляя совершеннолѣтіе 21 годомъ по общему правилу, допускаетъ и отступленіе отъ этого правила по мѣстнымъ законамъ. Такъ наприм., по законамъ, дѣйствующимъ въ Бессарабіи, совершеннолѣтіе опредѣлено въ 25 лѣтъ. Прав. Сенату пришлось

высказаться по вопросу о примѣнимости этого закона къ иностранцамъ, по дѣлу Ранда (опр. 1 д-та 13 ноября 1896 г.) Сынъ бессарабской еврейки, бывшей замужемъ за австрійскимъ подданнымъ, заявилъ о своемъ желаніи принять русское подданство по достиженіи 25 лѣтъ. Прав. Сенатъ нашель, что ссылка просителя, на мѣстные законы, дѣйствующие въ Бессарабіи, не можетъ служить къ подкрѣпленію его ходатайства, такъ какъ онъ по своимъ правамъ принадлежитъ не къ числу мѣстныхъ уроженцевъ, а къ австрійскому подданству; посему и принимая во вниманіе, что ст. 993, 1023 и 1027 зак. сост., предоставляя иностраннымъ подданнымъ, удовлетворяющимъ извѣстнымъ условіямъ, принимать подданство Россіи по своему желанію въ теченіе года по достиженіи совершеннолѣтія, имѣютъ, очевидно, въ виду опредѣленіе совершеннолѣтняго возраста на основаніи ст. 213 зак. гражд. т. X ч. 1 изд. 1887 г. въ 21 годъ, а не сообразно законодательствамъ тѣхъ странъ, къ подданству которыхъ принадлежатъ иностранцы, желающіе принять русское подданство, Прав. Сенатъ не призналъ за просителемъ, пропустившимъ установленный срокъ, права на отступленіе въ русское подданство порядкомъ, указаннымъ въ ст. 993 зак. сост.

Такое толкованіе закона хотя и открываетъ возможность того, что иностранецъ, принявшій по достиженіи 21 года русское подданство, будетъ затѣмъ признанъ вновь несовершеннолѣтнимъ по мѣстнымъ законамъ Бессарабіи, — тѣмъ не менѣе представляется правильнымъ; упомянутое же противорѣчіе въ законѣ при внимательномъ разсмотрѣніи — только кажущееся: принявши русское подданство, поселившійся въ Бессарабской губ. иностранецъ тѣмъ самымъ еще не подчиняется дѣйствію бессарабскихъ мѣстныхъ законовъ: въ теченіе 9 мѣсяцевъ послѣ принесенія присяги на подданство Россіи, натурализованный иностранецъ обязанъ избрать родъ жизни, т. е. причислиться къ одному изъ установленныхъ въ государствѣ состояній (ст. 1 — 3, п. 2 ст. 1017, ст. 1030 зак. сост., п. 9 ст. 45 прилож. къ ст. 482 уст. прям. нал. т. V изд. 1893 г.), если же обязанности этой не исполнить добровольно, то приписывается къ городскому или сельскому состоянію по распоряженію мѣстной казенной палаты (ср. ст. 33, 34, п. 4 ст. 38 прил. къ ст. 482 уст. прям. нал., опр. 1 д-та Прав. Сената отъ 27 апрѣля 1894 г. по рапорту Таврич. губ. правленія о томъ, какъ поступать съ иностранцами, принявшими присягу на подданство, но не приписавшимися въ установленный срокъ къ городскому или сельскому обществу). Такимъ образомъ, если натурализованный иностранецъ будетъ по своей волѣ или по распоряженію казенной палаты причисленъ къ обществу въ Бессарабской губерніи, то подчиненіе его мѣстнымъ законамъ Бессарабіи произойдетъ не въ силу принятія въ русское подданство, а въ силу приписки въ Бесса-

¹⁾ Ср. проф. Ф. Ф. Мартенсъ, Совр. межд. право. т. II, Спб. 1883 г. § 70, стр. 290. Н. М. Коркуновъ, Русское госуд. право т. I, Спб. 1893 г., § 27, стр. 202.

раби, которой отъ него самого зависѣло избѣжать припискою въ другой губерніи.

Доказывая необходимость достиженія иностранцами для ихъ натурализаціи 21 года, мы основывали наши соображенія, между прочимъ, на ст. 4 зак. сост., которая говоритъ, что въ отношеніи къ пользованію права состоянія воспріемлютъ полную силу по достиженіи совершеннолѣтія.

Но въ сказанной статьѣ содержится ссылка не только на законы гражданскіе, но также и на уставъ о службѣ правительственной а въ этомъ послѣднемъ содержится постановленіе о томъ, что въ государственную службу могутъ быть принимаемы и лица, недостигшія 21 года (ст. 14 уст. сл. прав. т. III изд. 1896 г.—ср. ст. 11 пол. о вид. на жит. т. XIV изд. 1895 г.). Мы не видимъ юридическаго основанія не примѣнять этого постановленія закона и къ иностранцамъ, если они вообще имѣютъ право вступить въ службу (ст. 998, 1025 зак. сост.), а слѣдовательно, въ этихъ именно случаяхъ должны признать возможнымъ и принятіе въ русское подданство лицъ, недостигшихъ 21 года.

Въ прим. къ ст. 993 зак. сост. содержится какъ бы указаніе и на другой случай возможности принятія несовершеннолѣтнихъ лицъ въ русское подданство: указавъ, что малолѣтнимъ дѣтямъ отъ браковъ русскихъ евреекъ съ австрійскими евреями дозволяется оставаться при матеряхъ съ тѣмъ чтобы въ теченіе года по достиженіи совершеннолѣтія они или приняли подданство Россіи или выѣхали за границу,—законъ продолжаетъ: матерямъ, а въ случаѣ ихъ смерти, ближайшимъ родственникамъ, разрѣшается причислить такихъ дѣтей и прежде совершеннолѣтія въ составъ семействъ, къ которымъ ихъ матери по происхожденію своему принадлежатъ. Однако эта приписка къ семейству сама по себѣ не устанавливаетъ правъ русскаго подданства и не извѣстаетъ приписанныхъ отъ обязанности, по достиженіи совершеннолѣтія, или принять русское подданство или выѣхать за границу.

Кромѣ перечисленныхъ трехъ условій, закономъ не установлено никакихъ требованій, обязательныхъ для всѣхъ иностранцевъ, просящихъ о натурализаціи. Но лица, подлежащія дѣйствию общаго порядка, какъ уже сказано выше, должны представить министру внутр. дѣлъ полученныя отъ губернатора водворительное свидѣтельство, свѣдѣніа о своемъ образѣ жизни, а также о томъ, гдѣ желаютъ принять присягу и къ какому состоянію и обществу желаютъ приписаться (ст. 1017 зак. сост.). Циркулярами министра внутреннихъ дѣлъ, кромѣ того, предложено губернаторамъ доставлять и нѣкоторыя другія свѣдѣнія, въ частности же о томъ, утратили ли иностранцы подданство по законамъ своего отечества, но свѣдѣнія эти не имѣютъ обязательнаго значенія ни въ общемъ порядкѣ натура-

лизаціи ни, тѣмъ болѣе, въ особенномъ, льготномъ.

М. Лозина-Лозинскій.

Условное осужденіе и народное правосознаніе.

(Окончаніе ¹).

Сознавая, что внушеніе само по себѣ часто не будетъ представлять изъ себя того важнаго стимула, который удержитъ въ будущемъ данное лицо отъ совершенія новыхъ преступныхъ дѣяній, волостные суды прибѣгаютъ нерѣдко при освобожденіи отъ наказанія къ обязательству даннаго лица подпиской не совершать въ будущемъ такихъ же или вообще всякихъ преступныхъ дѣяній. По этому поводу одинъ изъ изслѣдователей нашего обычнаго уголовного права, г. Скоробогатый ²), замѣчаетъ, что волостные суды при отобраніи подобной подписки имѣютъ въ виду: „во-первыхъ, обуздать порочныя наклонности провинившихся лицъ угрозой болѣе строгаго наказанія (если эта угроза упоминается въ подпискѣ), и во-вторыхъ—сдержать волю такихъ лицъ ихъ же собственными обѣщаніями. Второй мотивъ примѣненія этой мѣры намъ кажется особенно важнымъ, и мы должны признать, что въ виду засвидѣтельствованной Трудами комиссіи честности крестьянскаго населенія и его вѣрности данному слову, обязательство подпиской имѣетъ важное практическое рѣшеніе“. И съ этимъ мнѣніемъ нельзя не согласиться: обязательство подпиской въ глазахъ простаго населенія имѣетъ особенное значеніе—оно связываетъ болѣе осязательнымъ образомъ, такъ какъ при простомъ внушеніи освобождаемый отъ наказанія является только пассивнымъ слушателемъ словъ, къ нему обращаемаго; при дачѣ же подписки (хотя бы по безграмотности вмѣсто него и другимъ лицомъ) онъ играетъ болѣе активную роль.

Самая подписка эта или принимаетъ форму односторонняго обязательства, напр. „я, нижеподписавшійся, Г., въ присутствіи волостнаго суда, обязуюсь впредь родную сестру свою И. не обижать, не причинять ей какихъ-либо побоевъ и дерзостей; въ противномъ случаѣ, волостной судъ воленъ меня, Г., наказать розгами по своему усмотрѣнію“ ³); или выливается въ форму двухсторонней сдѣлки между потерпѣвшимъ и виновнымъ, изъ которыхъ послѣдній обязуется впредь преступныхъ дѣяній не совершать. Такой характеръ носитъ, напримеръ, слѣдующая подписка: „Мы нижеподписавшіеся: сельскій староста Х. и крестьянинъ Б. заключили между собой сію миролюбивую

¹) См. № 1—1899 г.

²) Скоробогатый. Примѣненіе наказаній на волостномъ судѣ. «Юрид. Вѣстн.» за 1882 г., № 8, стр. 580.

³) Труды ком. III, 82 № 12.

подписку въ присутствіи волостнаго суда въ томъ, что я, Б., оклеветалъ его, старосту, въ томъ, что онъ посадилъ меня на 3 сутокъ подъ арестъ, тогда какъ я былъ подъ арестомъ не болѣе 3 часовъ; обязуюсь впредь никакихъ клеветъ на него не произносить и ничѣмъ его не поносить. Я же, староста Х., его, Б., прощаю въ нанесенной мнѣ клеветѣ съ тѣмъ, что если онъ, Б., впредь будетъ чѣмъ-либо поносить, то предать его за то законной отвѣтственности, т. е. наказать или учинить другое наказаніе“¹⁾.

Эта мѣра примѣняется особенно часто въ дѣлахъ о семейныхъ обидахъ, о притѣсненіи однихъ членовъ семьи другими, по жалобамъ на личныя оскорбленія, наконецъ о пьянствѣ и нѣкоторыхъ другихъ проступкахъ. Такъ, по жалобѣ крестьянина Л. на отца своего В. о дѣлаемыхъ ему и женѣ его притѣсненіяхъ волостной судъ опредѣлилъ: 1) о прекращеніи семейной вражды, ссоры и притѣсненія В. обязать подпиской, и 2) за нетрезвую жизнь и буянство подвергнуть его аресту при волостномъ правленіи на двое сутокъ²⁾; или: „крестьянская вдова Д. за драку и неприличное поведеніе обязана подпиской, впредь до слѣдующаго раза, чтобы она никогда этого не дѣлала и жила бы какъ слѣдуетъ бѣдной вдовѣ, настоящимъ порядкомъ“³⁾. Особенно же характернымъ въ этомъ отношеніи является слѣдующее рѣшеніе волостнаго суда⁴⁾. Одна крестьянка „за оскорбленіе А. найдена виновной, почему судомъ постановлено подвергнуть ее наказанію 10-ю ударами розогъ, но такъ какъ она, сознавая свою вину, обратилась съ просьбой къ А. и ея мужу, почему онъ простилъ ей на сей разъ, а на будущее время обязать ее подпиской, что если она сдѣлаетъ подобный поступокъ, то будетъ отвѣчать вдвое, т. е. будетъ наказана 20-ю ударами розогъ“. Въ этомъ приговорѣ можно ясно подмѣтить черты института, весьма близко сходнаго съ условнымъ осужденіемъ: лицо признано виновнымъ, наказаніе точно опредѣляется, но въ силу особенныхъ условій даннаго случая оно не приводится немедленно въ исполненіе и откладывается подъ условіемъ, что, въ случаѣ совершенія новаго преступленія, виновный будетъ наказанъ и за прежнее; словами „будетъ отвѣчать вдвое“ съ особенной ясностью подчеркивается здѣсь отлагательное значеніе приговора. Всѣ эти черты являются характерными чертами и условнаго осужденія; единственное, что привходитъ еще въ институтъ условнаго осужденія, и о чемъ не говорится въ разсматриваемомъ рѣшеніи,—опредѣленіе срока, въ теченіе коего условно осужденный долженъ воздерживаться отъ впаденія въ новое преступное дѣяніе подъ угрозой навлечь на себя от-

вѣтственность и за прежнее преступленіе; это заставляетъ признать наличность только сходства даннаго института съ условнымъ осужденіемъ, а не полное тождество ихъ, но сходства весьма близкаго, такъ какъ моментъ опредѣленія срока не входитъ въ самую сущность условнаго осужденія и вызванъ только практическими соображеніями, такъ какъ, не будь этого срока, надъ условно осужденнымъ вѣчно висѣла бы угроза усиленнаго наказанія за новое преступленіе, вслѣдствіе чего его положеніе было бы хуже положенія лица, отбывшаго наказаніе и совершившаго впоследствии новое преступленіе (конечно, внѣ общихъ условій рецидива). Однако едва-ли можно полагать, что волостной судъ, угрожая усиленной наказуемостью въ случаѣ совершенія новаго преступленія, имѣетъ въ виду придать своей угрозѣ вѣчный характеръ: онъ только не указываетъ срока, когда эта угроза утрачиваетъ свою силу.

Третій институтъ, примѣняемый волостной юстиціей и имѣющій черты сходства съ условнымъ осужденіемъ — оставленіе на замѣчаніи суда или подозрѣніи общества,—мѣра, весьма нерѣдко сопровождающая освобожденіе отъ наказанія и отчасти приближающаяся къ полицейскому надзору. Хотя эта мѣра примѣняется, главнымъ образомъ, въ тѣхъ случаяхъ, когда преступленіе не доказано, но очень часто она имѣетъ мѣсто и тогда, когда судъ признаетъ данное лицо виновнымъ, но въ силу того или другаго обстоятельства освобождаетъ его отъ наказанія, оставляя его на замѣчаніи. Судъ въ этихъ случаяхъ иногда не опредѣляетъ дальнѣйшихъ послѣдствій новаго преступленія, иногда же указываетъ то наказаніе, которому подвергнется виновный въ случаѣ совершенія вновь преступленія. Какъ примѣръ рѣшенія перваго рода, можно привести слѣдующее¹⁾: „Крестьянка Н. обвиняется въ кражѣ капусты и бѣлья; судъ постановляетъ, что хотя и слѣдовало бы виновную арестовать на однѣ сутки, но принимая во вниманіе чистое раскаяніе Н. въ кражѣ и то, что проступокъ учиненъ ею въ первый разъ, напредъ сего подозрѣній за нею въ подобныхъ случаяхъ не было, и находится въ домѣ одна при малолѣтнихъ дѣтяхъ, крестьянка же Х., получившая краденое, съ своей стороны, изъявила согласіе на прощаніе въ учиненномъ проступкѣ Н., и потому судъ опредѣлилъ: крестьянку Н. оставить на замѣчаніи общества“. Образцами же рѣшеній втораго рода являются слѣдующія: крестьянинъ Н. обвиняется въ кражѣ; судъ, разсмотрѣвъ обвиненіе, опредѣляетъ: „какъ онъ, Н., имѣетъ роду около 70 лѣтъ, то за проступокъ къ наказанію розгами не подлежитъ, штрафъ денежный въ пользу мірскаго капитала по бѣдному его положенію не въ состояніи уплатить, а потому постановили: оставить его, Н., на за-

¹⁾ Труды III, 82, № 18.

²⁾ Труды III, 46 № 111. ³⁾ Труды III, 80 № 9.

⁴⁾ Труды V, 243 № 6.

¹⁾ Труды комис. II, № 200 № 24.

мѣчаніи сельскаго начальства впредь до новаго сдѣланнаго какого-либо проступка“¹⁾; или: „крестьянинъ Т. дѣлалъ при многихъ свидѣтеляхъ похвалки, что при встрѣчѣ съ Л. онъ причинитъ ему побои и даже сдѣлаетъ увѣчье; призванный Т. въ присутствіи суда сознался, и хотя преступленіе это, по смыслу уголовного законоположенія, влечетъ тяжкую отвѣтственность, но какъ Л., снисходя на просьбу Т. въ предположеніи, что признаніе его происходитъ отъ чистосердечнаго раскаянія, изъявилъ желаніе оставить Т. на сей разъ безъ наказанія, потому судъ постановилъ: оставить Т. въ сильномъ подозрѣніи, а въ случаѣ повторенія имъ подобныхъ угрозъ или покушенія къ исполненію оныхъ предать его сужденію уголовныхъ законовъ“²⁾.

И здѣсь повторяется то же, что мы только что видѣли выше, и здѣсь судъ констатируетъ виновность даннаго лица, опредѣляетъ наказаніе, но въ виду особенностей даннаго случая—главнымъ образомъ, въ виду неиспорченности виновника—не считаетъ возможнымъ привести немедленно приговоръ въ исполненіе и отлагаетъ его до новаго преступленія.

По сравненію съ двумя предыдущими, эта мѣра примѣняется нѣсколько шире, такъ какъ нерѣдки случаи оставленія на замѣчаніи и за болѣе важныя преступленія—такія, какъ кража,—да и вообще нельзя не подмѣтить, что этой мѣрѣ народъ придаетъ болѣе серьезное значеніе, чѣмъ другимъ, и видитъ въ ней болѣе надежное средство воздѣйствія на преступника.

Иногда значеніе, одинаковое съ оставленіемъ въ подозрѣніи общества, имѣетъ записка въ штрафную книгу, что должно служить какъ бы для справки о прежней судимости; обыкновенно, въ подобныхъ случаяхъ наказаніе за новое преступленіе ближе не опредѣляется.

Такъ, крестьянинъ Ф. былъ обвиненъ въ оскорбленіи словомъ, но такъ какъ онъ испросилъ прощеніе у обиженнаго, то судъ постановилъ: „не подвергая Ф. никакому наказанію, оставить все это безъ послѣдствій, и имѣя въ виду, дабы не было со стороны его, Ф., далѣе къ какимъ-либо обидамъ продолжительнымъ (?), опредѣлили: поступокъ Ф. записать для свѣдѣнія въ книгу судей“³⁾; въ другомъ случаѣ мы находимъ слѣдующее рѣшеніе суда: Д. въ пьяномъ видѣ дѣлалъ оскорбленія сосѣдямъ, за что приговоренъ къ 20 ударамъ розогъ, но, говорится въ рѣшеніи, „снисходя къ его чистосердечному раскаянію, по убѣжденію сельскаго старосты, онъ оставленъ безъ наказанія, а то, что онъ похвалялся съ нѣкоторыми угрозами противъ сосѣдей, и хотъ онъ въ томъ тоже прощенъ старостой (котораго

онъ тоже обругалъ) и сосѣдями, записать Д. въ штрафъ“¹⁾.

Наконецъ, среди рѣшеній волостныхъ судовъ можно найти и такія, въ которыхъ судъ не прибѣгаетъ ни къ одной изъ только что указанныхъ мѣръ, т. е. не дѣлаетъ виновному внушенія, не требуетъ отъ него обязательства подпиской и не оставляетъ его на замѣчаніи суда, но тѣмъ не менѣе условно отлагаетъ приведеніе приговора въ исполненіе до новаго совершенія преступленія. Таковы, напр., слѣдующія рѣшенія волостныхъ судовъ: „въ дѣлѣ о нанесеніи старостѣ м. Таганчи и его женѣ разныхъ оскорбленій слѣдовало бы С., на основаніи 102 ст. общ. положенія, наказать, но какъ С. просилъ у старосты прощенія, то такое дѣло оставить безъ послѣдствій, съ тѣмъ, однако, что если С. сдѣлаетъ еще подобныя же оскорбленія, то въ такомъ случаѣ получить наказаніе и за сей разъ“²⁾; или: „волостной судъ постановилъ: вслѣдствіе примиренія, виновныхъ въ ссорахъ безъ наказанія оставить; если же подобныя сцены повторятся, то предоставить право мѣстному волостному старшинѣ разслѣдовать виновныхъ и наказать, по силѣ сего рѣшенія, 15 ударами каждое лицо“³⁾.

И здѣсь, какъ и въ приведенныхъ выше случаяхъ, за исключеніемъ условія срока, на лицо въ остальныхъ условія института условнаго осужденія.

Таковы институты, примѣняемые въ нашей волостной практикѣ и носящіе въ себѣ черты сходства—и притомъ близкаго—съ условнымъ осужденіемъ. Идея условнаго осужденія—освободить отъ наказанія данное лицо подъ условіемъ несовершенно имѣ вновь преступныхъ дѣяній и подъ опасеніемъ подвергнуться за это большому взысканію—присуща и имъ. Многіе изъ приведенныхъ выше приговоровъ могли бы быть постановлены и при назначеніи условнаго осужденія, съ прибавленіемъ только указанія относительно срока, въ теченіе котораго лицо обязано воздерживаться отъ совершенія преступленія. Но если, съ этой стороны, у условнаго осужденія по волостной юстиціи не хватаетъ нѣкоторыхъ чертъ условнаго осужденія, какъ оно существуетъ въ западно-европейскихъ законодательствахъ, то, съ другой стороны, объемъ примѣненія его по общимъ своимъ условіямъ подчасъ здѣсь шире, нежели тамъ. Мы видѣли во многихъ приговорахъ, что судъ нерѣдко принимаетъ во вниманіе примиреніе, происшедшее между сторонами, и освобождаетъ въ виду его виновнаго отъ наказанія; но, тѣмъ не менѣе, этому примиренію онъ не придаетъ вовсе того погасительнаго значенія, какое придается ему обыкновенно въ законодательствахъ и доктринахъ; на-

¹⁾ Труды I, 255 № 2.

²⁾ Труды V, 30 № 3.

³⁾ Труды I, 228 № 14.

¹⁾ Тр. III, 214 № 24.

²⁾ Тр. V, 165 № 29.

³⁾ Тр. V, 212 № 51.

личность примиренія не мѣшаетъ суду постановить приговоръ, что, въ случаѣ повторенія подобнаго проступка, виновный будетъ подвергнутъ наказанію, и за прежній, хотя на нашъ взглядъ онъ уже и погашенъ примиреніемъ. И это воззрѣніе народа основывается на томъ, что во вниманіе принимается не фактъ примиренія самъ по себѣ, а личность преступника; фактъ погашенія проступка примиреніемъ отступаетъ на задній планъ, если оказывается, что данное лицо вредно для общества.

Признавъ, такимъ образомъ, наличность въ нашей народной юстиціи институтовъ, весьма близкихъ по своей формѣ и сходныхъ по своей идеѣ съ условнымъ осужденіемъ, мы должны вмѣстѣ съ тѣмъ признать, что наше народное правовоззрѣніе вполне мирится съ идеей условнаго осужденія, и что народъ нашъ вполне доросъ до ея пониманія. Поэтому, едва ли можно опасаться, что народъ не въ состояніи будетъ оцѣнить по заслугамъ условное осужденіе, отнесется къ нему враждебно или извратить его идею.

Въ заключеніе мы не можемъ не остановиться еще на одномъ вопросѣ. Тѣ институты, которые примѣняются волостной юстиціей, могутъ помочь выяснить, какая форма института условнаго осужденія наиболее подходитъ для нашего отечества: для того, чтобы этотъ институтъ имѣлъ подъ собой жизненную почву, надо, по возможности, взять то, что у насъ уже выработано народной жизнью. Едва ли поэтому можно рекомендовать ту форму условнаго осужденія, которая примѣняется въ Англии, гдѣ существеннымъ моментомъ института является поручительство. Правда, наша исторія тоже знала институтъ подобнаго рода, но въ настоящее время и въ крестьянскомъ быту поручительство является только мѣрою обезпеченія явки подсудимаго на судъ. Въ такомъ смыслѣ поручительство примѣняется при недоказанности вины, съ тѣмъ чтобы, въ случаѣ обнаруженія новыхъ уликъ, поручители представили виновнаго на судъ¹⁾; иногда же поручительство назначается въ качествѣ мѣры добавочной къ наказанію; такъ, по рѣшенію волостнаго суда одна крестьянка за самовольный уходъ отъ мужа была приговорена къ аресту на 7 дней и затѣмъ отдана подъ поручительство²⁾. Но поручительство въ качествѣ мѣры самостоятельной, назначаемой вмѣсто наказанія, въ практикѣ нашихъ волостныхъ судовъ, повидимому, неизвѣстно.

Мы полагали бы, что всего лучше было бы создать такую форму условнаго осужденія, въ которую входили бы существенные моменты каждаго изъ рассмотрѣнныхъ институтовъ, взаимно комбинируясь другъ съ другомъ: вну-

шеніемъ виновному дается совѣтъ воздерживаться отъ преступленій въ будущемъ; обязательствомъ подпиской онъ связывается болѣе осязательно своимъ словомъ, а оставленіемъ на замѣчаніе придается въ глазахъ народа особая серьезность самому мѣропріятію. Такимъ образомъ условное осужденіе могло бы принять такое выраженіе: виновный освобождается на извѣстный срокъ отъ исполненія постановленнаго приговора; ему дѣлается внушеніе и разъясняется значеніе условнаго приговора; онъ даетъ подписку воздерживаться отъ совершенія преступленій (данныхъ или извѣстнаго рода, смотря по обстоятельствамъ) и оставляется на замѣчаніе суда. Въ такой формѣ условное осужденіе ближе всего подходило бы къ знакомымъ нашей народной жизни институтамъ, не шло бы въ разладъ съ народнымъ правовоззрѣніемъ и лучше всего могло бы быть понято народомъ.

А. Жижиленко.

Браки русскихъ подданныхъ въ Швейцаріи.

Въ виду громаднаго числа нашихъ соотечественниковъ, проживающихъ въ Швейцаріи, браки между русскими подданными въ этой странѣ являются далеко не рѣдкостнымъ событіемъ. Между тѣмъ форма и условія совершенія такихъ браковъ до сихъ поръ даютъ поводъ къ различнаго рода недоразумѣніямъ. Объ этомъ свидѣтельствуетъ слѣдующій фактъ.

4 апрѣля 1893 г. двое русскихъ подданныхъ повѣнчались въ русской церкви, въ Женевѣ, не совершивъ предварительно гражданскаго брака передъ установленными мѣстными властями.

Вслѣдствіе сего федеральный совѣтъ швейцарской кантона Бернъ долготъ снести съ русской миссіей въ Бернѣ и обратить вниманіе послѣдней на то, что бракъ вышеозначенныхъ лицъ по швейцарскимъ законамъ не можетъ считаться дѣйствительнымъ. Въ отвѣтъ на это Императорская миссія заявила, что гражданскій бракъ не признается русскимъ законодательствомъ, знающимъ лишь церковное вѣнчаніе, и что за тридцать пять слѣдующихъ лѣтъ существованія русской церкви въ Женевѣ, священники этой церкви постоянно совершали браки по православному обряду, не требуя отъ брачущихся предварительнаго вступленія въ гражданскій бракъ.

Отвѣтъ русскаго посланника въ Бернѣ побудилъ швейцарское правительство довести до свѣдѣнія заинтересованныхъ лицъ о томъ, что ихъ бракъ не можетъ быть признанъ дѣйствительнымъ въ предѣлахъ швейцарской территоріи и, вмѣстѣ съ тѣмъ, увѣдомить священника русской церкви въ Женевѣ, что, въ случаѣ совершенія имъ и впредь подобныхъ браковъ, онъ будетъ привлеченъ къ уголовной отвѣтственности, согласно дѣйствующимъ въ Швей-

¹⁾ Тр. II, 202 № 67.

²⁾ Тр. III, 446 № 3.

царии узаконеніямъ. На этотъ разъ федеральный совѣтъ рѣшилъ не давать дѣлу дальнѣйшаго хода въ томъ предположеніи, что священникъ дѣйствовалъ *bona fide* ¹⁾.

Поведеніе швейцарскаго правительства въ данномъ случаѣ представляется въ высшей степени корректнымъ и соответствующимъ дѣйствующему въ союзѣ законодательству. Въ самомъ дѣлѣ, постановленіи швейцарскаго права, касательно браковъ иностранцевъ заключаются въ слѣдующемъ.

На основаніи ст. 31 закона 24 сентября 1874 г. объ актахъ гражданскаго состоянія и т. д., если женихъ—иностранецъ, то публикація производится только послѣ представленія удостовѣренія иностранныхъ властей, что бракъ и всѣ его законныя послѣдствія будутъ признаны со стороны отечества жениха. Кантональное правительство, однако, вправѣ освободить лицо отъ представленія такого удостовѣренія и ограничиться требованіемъ предъявленія любого доказательства о неимѣннн препятствій къ вступленію въ бракъ (*telle autre justification suffisante*). Тѣ же самыя требованія выставляются ст. 37 относительно совершенія брака.

По мнѣнію наиболѣе компетентныхъ толкователей швейцарскаго права (см. напримѣръ *Roguin, Conflicts des lois suisses* 1891, p. 56) бракъ, заключенный иностранцами въ предѣлахъ союза, только тогда дѣйствителенъ, когда онъ совершенъ согласно 1) швейцарскому законодательству и 2) національному закону *жениха*. На этой точкѣ зрѣнія стоитъ и союзный совѣтъ (*Roguin*, 58). Такимъ образомъ, если окажется, что супругъ не имѣлъ права на основаніи національнаго статута вступить въ бракъ, то таковой не долженъ считаться дѣйствительнымъ не только въ отечествѣ супруга, но и въ предѣлахъ Швейцаріи. Въ частности, относительно русскихъ подданныхъ, бракъ лица, повѣнчавшагося въ одной изъ русскихъ церквей въ Швейцаріи въ отступленіе отъ правилъ, изложенныхъ въ т. X ч. I св. зак., будетъ признанъ незаконнымъ какъ въ Россіи, такъ и въ Швейцаріи.

Что же касается *формы* заключенія брака, то швейцарское законодательство выставляетъ безусловное требованіе совершенія гражданскаго брака установленными властями. И это правило одинаково относится какъ къ туземцамъ, такъ и къ иностранцамъ. Къ какой бы національности или религіи ни принадлежали бракосочетающіеся, они обязаны подчиниться законамъ страны; если же ихъ національный законъ требуетъ церковнаго вѣнчанія, то они, по совершеніи всѣхъ формальностей, установленныхъ швейцарскимъ законодательствомъ, могутъ приступить и къ религіозному

обряду по ритуалу ихъ вѣроисповѣданія. Но слѣдуетъ помнить, что, самъ по себѣ, религіозный бракъ въ Швейцаріи не имѣетъ юридическаго значенія; не можетъ онъ его имѣть и въ отечествѣ бракосочетавшихся. *Locus regit actum*. Такимъ образомъ бракъ тѣхъ двухъ лицъ, о которыхъ шла рѣчь въ началѣ нашей замятки, не могъ бы (или, по крайней мѣрѣ, не долженъ бы) быть признанъ законнымъ и *въ самой Россіи*.

Высказанныя нами соображенія получили признаніе и со стороны русскаго правительства. По крайней мѣрѣ нотою отъ 6 октября 1876 г. Императорская миссія въ Бернѣ увѣдомила союзный совѣтъ, что съ ея стороны не встрѣчается препятствій къ совершенію русскими подданными въ Швейцаріи двойного бракосочетанія: гражданскаго и религіознаго.

Л. Шалландъ.

Право дантистовъ на исключеніе изъ податнаго состоянія.

(По поводу одной кодификаціонной ошибки).

Въ п. 5 ст. 900 т. III св. зак. уст. служб. прав. изд. 1857 года заключалось весьма важное для дантистовъ преимущество — право на исключеніе изъ податнаго состоянія. Наше законодательство, всегда относившееся благосклонно къ сословію дантистовъ, проявляетъ по отношенію къ нимъ особенную заботливость спустя девять лѣтъ послѣ изданія свода 1857 г. и сокращаетъ для нихъ сроки службы для производства въ чинъ, причѣмъ подтверждаетъ права дантистовъ на исключеніе изъ податнаго состоянія. 17 октября 1866 г. Высочайше утверждено мнѣніе Государственнаго Совѣта, распубликованное 11 ноября (полное собраніе законовъ 1866 года № 43748), *о сокращеніи дантистамъ срока службы для производства въ чинъ*. Государственный Совѣтъ мнѣніемъ положилъ: п. 5 ст. 900 уст. служб. прав. т. III свода законовъ изд. 1857 года изложить такъ: „ветеринарные помощники и дантисты, съ полученіемъ свидѣтельства на свое званіе, освобождаются отъ податнаго состоянія, если къ оному принадлежали, а по вступленіи въ государственную службу пользуются преимуществами, чину четьринадцатаго класса присвоенными, но утверждаются въ ономъ—первые по выслугѣ четьрехъ, а послѣдніе по истеченіи шести лѣтъ, со старшинствомъ со дня выслуги срока. Правило это распространяется и на тѣхъ дантистовъ, кои прежде изданія онаго уже состояли въ государственной службѣ“ ¹⁾.

¹⁾ Отчетъ федеральнаго совѣта союзному собранію за 1896 г., по департаменту юстиціи и полиціи.

¹⁾ Въ редакціи свода изд. 1857 г. конецъ этого п. 900 ст. изложенъ былъ такъ: „...но утверждаются въ ономъ безъ старшинства, первые послѣ четьрехъ, а послѣдніе по истеченіи двѣнадцати лѣтъ службы“.

Ни въ одномъ изъ продолженій свода законовъ, начиная съ 1858 г. и вплоть до новаго изданія въ 1876 г. III т. св. зак., не имѣется другихъ, кромѣ вышеуказаннаго, измѣненій въ п. 5 ст. 900 уст. служб. прав. Слѣдовательно, при новомъ изданіи III и IX томовъ св. зак. въ 1876 г., всѣ права и преимущества, предоставленныя дантистамъ по своду законовъ и по продолженіямъ, должны были быть сохранены, разъ они не были отмѣнены въ законодательномъ порядкѣ.

Между тѣмъ, при переизданіи въ 1876 г. III и IX тт. св. зак. произошло слѣдующее.

Ст. 481, замѣнившая въ изданіи 1876 г. ст. 900 III т. уст. служб. прав. изд. 1857 г., была согласована со статьями 503 и 506 IX т. св. зак. изд. 1876 г. такимъ образомъ, что въ статьѣ 481 сохранены только служебныя права и преимущества лицъ, пріобрѣвшихъ медицинскія, фармацевтическія и ветеринарныя степени; права же гражданского состоянія всѣхъ этихъ лицъ помѣщены въ IX т. св. зак. изд. 1876 г. Такимъ образомъ, окончаніе новой ст. 481, замѣнившее п. 5 ст. 900 уст. служб. прав. изд. 1857 г. по продолженію 1866 г., редактировано такимъ образомъ: „ветеринарные помощники и дантисты, по вступленіи въ государственную службу, пользуются преимуществами, чину четырнадцатаго класса присвоенными, но утверждаются въ ономъ—первые по выслугѣ четырехъ, а послѣдніе по истеченіи шести лѣтъ, со старшинствомъ со дня выслуги срока“.

Если сравнить только что процитированную часть 481 ст. III т. изд. 1876 г. съ текстомъ п. 5 ст. 900 ст. уст. служб. прав., въ измѣненной редакціи 1866 года, то окажется, что въ окончаніи ст. 481, послѣ словъ „ветеринарные помощники и дантисты“ и до словъ „по вступленіи въ государственную службу“, пропущено слѣдующее „съ полученіемъ свидѣтельства на свое званіе, освобождаются отъ податнаго состоянія, если къ оному принадлежали, а...“ Другими словами, право дантистовъ и ветеринарныхъ помощниковъ на освобожденіе изъ оклада исключено изъ ст. 481, что вполне естественно при томъ согласованіи статей III и IX тт. св. зак., о которомъ сказано было выше. Столь же естественно было ожидать, что предоставленное ветеринарнымъ помощникамъ и дантистамъ право на исключеніе изъ податнаго состоянія, не отмѣненное въ законодательномъ порядкѣ ко времени переизданія въ 1876 г. III и IX тт. св. зак., будетъ сохранено, или посредствомъ включенія этихъ лицъ въ ст. 506 новаго изданія IX т. св. зак., или путемъ дополненія надлежащимъ образомъ статей 306—380 т. V уст. под. изд. 1857 г.

Если мы обратимся къ рассмотрѣнію IX т. св. зак. изд. 1876 г., то увидимъ, что въ немъ

произведены слѣдующія кодификаціонныя измѣненія:

Права состоянія лицъ, поименованныхъ въ 1 и 2 пп. ст. 900 т. III уст. служб. прав. изд. 1857 г., а именно: доктора медицины и хирургіи, доктора медицины, лекаря, магистра фармаціи (аптекаря) и магистра ветеринарныхъ наукъ—помѣщены во 2 п. 503 ст. IX т. св. зак. изд. 1876 г. Далѣе, образованъ 2-й (новый) пунктъ, котораго не было въ изданіи 1857 г., въ ст. 506 т. IX изд. 1876 г., куда включены всѣ лица, поименованныя въ 3, 4 и 5 пп. 900 ст. III т. св. зак. изд. 1857 г., но почему-то пропущены дантисты¹⁾.

Кажется, что было бы вполне естественно и справедливо, чтобы судьба дантистовъ и ветеринарныхъ помощниковъ въ отношеніи правъ состоянія была одинакова: какъ тѣ, такъ и другіе исключались изъ податнаго состоянія, и если не поступали на государственную службу, то не имѣли права на причисленіе къ почетному гражданству; тѣ и другіе, поступая на государственную службу, получали чинъ четырнадцатаго класса; тѣ и другіе, въ силу 578 ст. IX т. св. зак. изд. 1857 г., поступивъ въ гражданскую службу, при производствѣ на оной въ чинъ четырнадцатаго класса, получали право личнаго почетнаго гражданства. Вся разница между ветеринарными помощниками и дантистами, относительно ихъ гражданскихъ правъ состоянія и служебныхъ преимуществъ, была только въ различіи срока службы тѣхъ и другихъ для производства въ чинъ и въ соединенномъ съ этимъ срокомъ старшинствѣ.

Какое же основаніе было у кодификаторовъ, при переизданіи въ 1876 г. IX т. св. зак., не включить дантистовъ въ новый 2 п. 506 ст. этого тома, если въ него были включены ветеринарные помощники?

Подъ п. 2 ст. 506 т. IX св. зак. изд. 1876 г. сдѣланы ссылки на два узаконенія: 1) *Высочайше утвержденное положеніе о гражданскихъ и служебныхъ преимуществахъ, соединенныхъ съ медицинскими, фармацевтическими и ветеринарными степенями* (полное собраніе законовъ 1849 г. февр. 16, № 23022). Изъ 1, 2, 3, 5 и 6 пунктовъ 1 § этого положенія составился текстъ 900 ст. III т. уст. служб. прав. изд. 1857 г. Слѣдовательно, эта ссылка не только не оправдываетъ установленной кодификаторами разницы между дантистами и ветеринарными помощниками, въ силу которой послѣднимъ предоставлено право причисленія къ почетному гражданству, а первымъ нѣтъ,—но скорѣе даже опровергаетъ правильность этого кодификаціоннаго измѣненія. И это потому, что ст. 900, какъ указано уже было выше,

¹⁾ Статьи 503 и 506 т. IX предоставляютъ поименованнымъ въ нихъ лицамъ право на причисленіе къ потомственному и личному почетному гражданству.

устанавливала для дантистов и ветеринарных помощников одни и те же права гражданского состояния. 2) Второе узаконение есть *Высочайше утвержденный уставъ Харьковскаго ветеринарнаго училища*, (полное собрание законовъ 1850 г. апр. 12, № 24072) Въ § 50 этого устава изображено: *Ученики обязаны представить свидетельства о непринадлежности къ податному состоянию, или отъ общества, къ которому принадлежатъ, о дозволеніи продолжать учение въ учебномъ заведеніи*. Если на основаніи этого параграфа кодификаторы выдѣлили ветеринарныхъ помощниковъ въ особую группу и поставили ихъ, по правамъ состоянія, выше дантистовъ, то однородныя съ этимъ параграфомъ постановленія о дантистахъ, помѣщенные въ XIII т. св. зак. изд. 1857 г. (уст. врач.) и не отмѣненныя ко времени переизданія III и IX тт. св. зак. 1876 г., должны были опять сравнять тѣхъ и другихъ. Въ правилахъ испытанія врачей, фармацевтовъ, ветеринаровъ, дантистовъ и повивальныхъ бабокъ, помѣщенныхъ въ гл. I разд. III уст. врач., изображено: *Испытуемый, въ прошеніи своемъ, означаетъ ту степень или то званіе, на которое желаетъ экзаменоваться, и сверхъ того представляетъ свидетельства: . . . . 2) о непринадлежности къ податному состоянию, или о дозволеніи отъ общества, къ которому принадлежитъ, продолжать учение въ высшемъ учебномъ заведеніи* (ст. 442 т. XIII уст. врач. изд. 1857 г.).

Такимъ образомъ, включеніе ветеринарныхъ помощниковъ въ новый 2 п. 506 ст. IX т. св. зак. изд. 1876 г. и невключеніе туда дантистовъ, пользовавшихся при новомъ изданіи въ 1876 г. III и IX тт. такими же правами гражданского состоянія, какъ и ветеринарные помощники, ничѣмъ не оправдывается. Принимая же во вниманіе, что учреждениямъ, вѣдающимъ кодификаціонныя работы не предоставлено права отмѣны существующихъ законовъ, необходимо признать, что при переизданіи III и IX тт. св. зак. въ 1876 г. произошла кодификаціонная ошибка, послѣдствіемъ которой явилось то, что столь существенное преимущество дантистовъ, какимъ было предоставленное имъ закономъ право на исключеніе изъ податнаго состоянія, исчезло изъ свода.

Результаты этой кодификаціонной ошибки обнаружались уже на практикѣ. Особенно ощутительны они оказались для сословія дантистовъ съ 1893 г., когда опубликованъ былъ извѣстный указъ 1 департамента Правительствующаго Сената по дѣлу дантиста Марчевскаго (1892 г. декабря 22 дня). Съ этого времени, въ большинствѣ случаевъ, административныя власти стали отказывать дантистамъ въ выдачѣ безсрочныхъ паспортныхъ книжекъ, понуждая ихъ вновь приписываться къ тѣмъ обществамъ, отъ принадлежности къ которымъ они были освобождены распоряженіями казен-

ныхъ палатъ. Немногимъ счастливымъ удалось все-таки получить безсрочные виды на жительство. Но бывали и такіе случаи, что дантисты, желавшіе возвратиться въ мѣщанское общество и получить отсюда установленную паспортную книжку, получали отказъ, мотивированный тѣмъ, что дантисты, какъ освобожденные по закону отъ податнаго состоянія, не могутъ записываться въ мѣщане и получать виды на жительство, установленные для мѣщанскаго сословія.

Такимъ образомъ, указъ по дѣлу дантиста Марчевскаго не установилъ однообразія въ практикѣ административныхъ учреждений по вопросу о правахъ состоянія дантистовъ. Точно также и вопросъ о кодификаціонной ошибкѣ, благодаря которой дантисты въ настоящее время считаются лишенными весьма существеннаго для нихъ преимущества, остается открытымъ. Единственно цѣлесообразнымъ средствомъ для выясненія ихъ правъ явилось бы исправленіе этой ошибки компетентными учреждениями.

Э. М. Моргулисъ.

ПАМЯТИ

Ивана Ивановича Влезкова.

Истекшій 1898 г. унесъ, къ сожалѣнію, въ могилу не мало хорошихъ людей и заслуженныхъ, почтенныхъ дѣятелей разныхъ профессій и положеній. Къ числу такихъ хорошихъ людей и дѣятелей, которыхъ не только можно, но и должно помянуть добрымъ словомъ, принадлежитъ безспорно и внезапно скончавшійся въ прошломъ декабрѣ старшій предсѣдатель С.-Петербургской судебной палаты И. И. Влезковъ. Покойный не составилъ себѣ, правда, громкаго имени въ юридическомъ мірѣ, но извѣстности и славы онъ, повидимому, и не добивался, ограничиваясь на всѣхъ ступеняхъ пройденнаго имъ служебнаго поприща ролью скромнаго труженика, беззавѣтно преданнаго дѣлу, и добросовѣстнымъ исполненіемъ долга.

Иванъ Ивановичъ—кандидатъ правъ харьковскаго университета, началъ свою службу въ 1866 г., еще при старыхъ судебныхъ порядкахъ, въ качествѣ столоначальника Харьковской уголовной палаты, но уже, такъ сказать, накануне введенія въ Харьковскомъ округѣ судебной реформы, когда и въ старой палатѣ дѣйствовала уже полуреформа, въ видѣ устнаго и гласнаго доклада дѣла, а въ Петербургскомъ и Московскомъ округахъ уже были открыты новыя судебныя учрежденія. То было особенное время—не только розовыхъ надеждъ и иллюзій и юношескихъ восторговъ и увлеченій, и горделиваго сознанія, что свершилось дѣйствительно великое дѣло, и что насталъ конецъ мраку, произволу и взяточничеству, въ которыхъ такъ долго тонули, какъ въ грязи, наше общество и бюрократія. То было время свѣтлое и блестящее въ исторіи нашего судебнаго дѣла; время истиннаго торжества законности и правосудія; время, когда служители этого правосудія, вполне сознавая величіе возложенной на нихъ задачи,

вносили въ исполненіе ея всю свою душу; время, оставившее неизгладимые слѣды, какъ въ дѣятеляхъ, на долю коихъ выпала счастливая участь осуществить великую реформу, такъ и въ обществѣ—свидѣтели ихъ безупречной, самоотверженной дѣятельности. Это время промелькнуло, какъ блестящій метеоръ, къ сожалѣнію лишь на мгновеніе затмившій свѣтлымъ лучемъ ложь и пошлость нашей будничной жизни. Какъ это случилось, объ этомъ въ свое время скажетъ исторія, но случилось, что благое, святое дѣло мало по малу какъ бы перестало быть таковымъ; любовь къ этому дѣлу смѣнилась въ большинствѣ случаевъ чисто формально-чиновнымъ къ нему отношеніемъ; чувство законности стало все рѣже проявляться въ прежней чистотѣ; отправленіе правосудія перестало быть священнодѣйствіемъ и далеко не большинству дѣятелей удалось устоять противъ неблагоприятныхъ теченій и вліяній и остаться до конца вѣрными традиціямъ и идеаламъ той незабвенной поры, когда вводилась судебная реформа.

Къ числу именно тѣхъ немногихъ дѣятелей, оставшихся стойкими и не измѣнившихъ до конца принципамъ и идеаламъ прошлаго, принадлежалъ и покойный Иванъ Ивановичъ. Какъ на низшихъ ступеняхъ служебной іерархіи—въ должностяхъ помощника секретаря и секретаря Харьковскаго окружнаго суда, такъ затѣмъ и во всѣхъ пройденныхъ имъ послѣдовательно должностяхъ судебного слѣдователя, члена и товарища предсѣдателя окружнаго суда, товарища прокурора судебной палаты, предсѣдателя суда (въ Таганрогѣ, Твери и Симферополѣ), предсѣдателя департамента Харьковской судебной палаты и, наконецъ, съ 1893 г.—старшаго предсѣдателя С.-Петербургской судебной палаты, Иванъ Ивановичъ неуклонно держался принциповъ правды, справедливости и законности и, сохраняя любовь къ дѣлу, работалъ съ неутомимостью и вмѣстѣ съ тѣмъ скромностью истиннаго труженика. Въ этомъ именно и заключается величіе его заслуги, какъ общественнаго дѣятеля, которою не многіе могутъ похвастать и которая во всѣхъ сослуживцахъ Ивана Ивановича, равно какъ и въ людяхъ, хорошо его знавшихъ, вызываетъ благоговѣйную о немъ память.

Е. Д.

СУДЕБНЫЕ ОТЧЕТЫ.

Искъ о признаніи публичнаго духовнаго завѣщанія недействительнымъ.

Въ послѣднемъ засѣданіи гражданскаго кассационнаго департамента Пр. Сената, слушавшаго касс. жалоба на рѣшеніе Варшавскаго суд. палаты по дѣлу о духовномъ завѣщаніи Владислава Валевскаго.

Нѣсколько лѣтъ тому назадъ въ Варшавѣ скончался довольно извѣстный въ краѣ общественный дѣятель, издатель „Географическаго Словаря“ Владиславъ Валевскій. Передъ смертію онъ совершилъ публичное духовное завѣщаніе, коимъ, прежде всего, обезпечилъ дальнѣйшее изданіе „Словаря“, а остальное имущество распредѣлилъ между своимъ племянникомъ Ромоцкимъ и другимъ родственникомъ, Михаиломъ Валевскимъ. Между тѣмъ, послѣ смерти завѣщателя, въ бумагахъ покойнаго было обнаружено другое завѣщаніе, домашнее, составленное лѣтъ за десять до его смерти, коимъ все имущество оставлено другому племяннику, Станиславу Валевскому. Послѣдній и предъявилъ искъ о признаніи публичнаго завѣщанія недействительнымъ.

Истецъ указывалъ на неспособность завѣщателя въ моментъ совершенія оспариваемаго завѣщанія и на несоблюденіе формъ, требуемыхъ гражд. кодексомъ по отношенію къ этимъ завѣщаніямъ. Усмотрѣвъ изъ обстоятельствъ дѣла противозаконныя дѣйствія, судъ направилъ дѣло къ прокурору, и противъ нотаріуса возбуждено было уголовное преслѣдованіе за небрежность, допущенную имъ при совершеніи публичнаго завѣщанія.

Не усматривая связи между уголовнымъ дѣломъ о нотаріусѣ и гражданскимъ—о недействительности завѣщанія, окружный судъ возобновилъ свое производство и рѣшилъ дѣло въ пользу истца. Между тѣмъ, нотаріусъ былъ признанъ виновнымъ въ небрежности, допущенной при составленіи завѣщанія, и присужденъ къ выговору. Основываясь на этомъ приговорѣ, судебная палата утвердила рѣшеніе окружнаго суда по вопросу о недействительности завѣщанія, признавъ, „что на основаніи 30 ст. уст. уг. суд. для гражданскаго суда обязательно окончательное рѣшеніе уголовного суда по совершившемуся событію преступленія, а изъ приговора уголовного суда видно, что нотаріусъ при составленіи духовнаго завѣщанія Валевскаго не соблюлъ формальностей, предписанныхъ 971 и 972 статей гражданскаго кодекса, а именно: выслушалъ диктовку завѣщанія въ присутствіи лишь одного свидѣтеля изъ числа 4-хъ, приглашенныхъ для присутствованія при составленіи завѣщанія“.

Въ кассационной жалобѣ на это рѣшеніе указывалось на нарушеніе 30 ст. уст. угол. суд. и на неправильное истолкованіе правилъ гражданскаго кодекса о формахъ духовнаго завѣщанія. Въ засѣданіи департамента повѣренный Ромоцкаго, пом. прис. пов. Винаверъ, въ подкрѣпленіе кассационной жалобы, привелъ слѣдующіе доводы. Изъ рѣшенія судебной палаты вытекаетъ, что начало обязательности уголовного приговора для гражданскаго суда не терпитъ никакихъ ограниченій; всякій фактъ, введенный въ вопросъ суда о виновности, признается непрерываемо предустановленнымъ для всѣхъ случаевъ, когда бы суду гражданскому ни пришлось коснуться этого факта. Напр., если судъ признаетъ обвиняемаго виновнымъ въ томъ, что онъ совершилъ убійство при помощи револьвера, взятаго изъ его стола, и затѣмъ, по гражданскому дѣлу съ третьимъ лицомъ, возникаетъ вопросъ о фактическомъ владѣніи револьверомъ во время совершенія преступленія, — то гражданскій судъ связанъ въ своемъ рѣшеніи и не вправе разрѣшать этого вопроса, какъ рѣшеннаго уже судомъ уголовнымъ. Такимъ образомъ, власть гражданскаго суда суживается до крайнихъ предѣловъ, и неизвѣстно въ точности—до какихъ именно: все зависитъ отъ того, кто ранѣе успѣетъ рѣшить вопросъ, судъ гражданскій или уголовный. Сегодня еще гражданскій судъ воленъ рѣшить вопросъ по своему, завтра онъ можетъ оказаться связаннымъ судомъ уголовнымъ. Самостоятельность суда ставится въ зависимость отъ простой случайности. Ясно, что тутъ кроется какое-то недоразумѣніе, что такимъ толкованіемъ 30 ст. уст. уг. суд. создается нелепое положеніе. Надо, поэтому, выкинуть въ дѣйствительную мысль законодателя, которая имъ руководила при установленіи правила объ обязательности приговоровъ уголовного суда.

Въ мотивахъ подъ 27—31 ст. сказано, что она „постановлена въ видахъ предотвращенія случаевъ столкновенія подсудности уголовной и гражданской“. Для достиженія этой цѣли — говорятъ далѣе мотивы— „достаточно постановить, что по вопросамъ, тѣсно связаннымъ, гражданскій судъ не прежде приступаетъ къ рѣшенію спора гражданскаго, чѣмъ судъ уголовный не рѣшитъ вопроса, ему подвѣдома“. Слѣдовательно, для достиженія цѣли, установленной 30 ст., судъ гражданскій долженъ приостановить свое производство до воспослѣдованія уголовного

приговора. Обязательность приговора уголовного суда предполагается, когда между дѣлами есть та тѣсная связь, которая вызываетъ необходимость приостановленія гражданского дѣла до разрѣшенія уголовного. 30 ст. уст. угол. суд. можетъ быть примѣнима только въ тѣхъ случаяхъ, для которыхъ установлена 8 ст. уст. гражд. суд. Это—два коррелятива одного и того же основного положенія. Здѣсь охраняется не сила рѣшенія, какъ *res judicata*, и менѣе всего охраняется абсолютная, для всѣхъ одинаково обязательная, изъ публичнаго характера уголовного права вытекающая сила уголовного приговора. Рѣчь идетъ исключительно о разграниченіи двухъ *подсудностей*: гражданскому суду возбраняется вторгаться въ предѣлы вѣдомства суда уголовного; когда рѣшеніе его *зависитъ* отъ разсмотрѣнія уголовного обстоятельства, онъ обязанъ приостановить свое производство и въ этомъ случаѣ вступаетъ въ силу 30 ст. уст. уг. суд. Но когда этой преюдициальной связи на лицо не имѣется—судъ гражданскій властенъ самостоятельно рѣшить предложенный на его обсужденіе вопросъ. Несколько не стѣняясь приговоромъ уголовного суда.

По вопросу о нарушеніи формы публичнаго завѣщанія повѣренный кассатора указалъ, что законъ требуетъ присутствія свидѣтелей лишь при прочтеніи завѣщателю окончательной редакціи завѣщанія и при подписываніи его, но не при записываніи подъ диктовку. Въ основѣ противоположнаго толкованія, даваемого комментаторами, лежитъ ложное представленіе одного изъ старыхъ комментаторовъ, ревностнаго романиста, о томъ, что публичное завѣщаніе наполеонова кодекса есть наследіе римскаго права, въ которомъ завѣщаніе не было объявленіемъ воли на случай смерти, а актомъ введенія новаго члена въ родъ, требовавшимъ для своей дѣйствительности присутствія всего рода или его представителей—классическихъ свидѣтелей. Присутствіе свидѣтелей является тутъ элементомъ самой сдѣлки, а не способомъ удостовѣренія подлинности воли завѣщателя. Не изъ этого, однако, источника взято завѣщаніе наполеонова кодекса. Исторія возникновенія кодекса свидѣтельствуетъ, что публичное завѣщаніе взято изъ обычнаго права, изъ кутюмовъ. Кутюмы не знаютъ самодовлѣющей формы вообще; они требуютъ присутствія свидѣтелей только при чтеніи и подписываніи завѣщанія для удостовѣренія подлинности воли, не болѣе. Тѣмъ не менѣе, идея о торжественномъ, чисто-римскомъ характерѣ формы завѣщанія на вѣру принимается однимъ комментаторомъ изъ другого; къ этой ложной исторіи подгоняется ложная, диалектическая теорія, и такимъ путемъ создается слѣпой, никому ненужный культъ самодовлѣющей формы.

Товарищъ оберъ-прокурора Энденъ высказался за отміну рѣшенія какъ по нарушенію 20 ст. у. с., такъ и по нарушенію правилъ кодекса о формахъ завѣщаній.

Правительствующій Сенатъ опредѣлилъ: рѣшеніе палаты отмінуть по нарушенію ст. 30 уст. уг. суд., 339 и 711 уст. гр. суд.

Хроника.

Мы слышали, что особое совѣщаніе, образованное при Государственномъ Совѣтѣ для предварительнаго разсмотрѣнія проекта уголовного уложенія, къ концу минувшаго 1898 года успѣло пройти первую главу проекта, т. е. такъ называемую общую его часть. При этомъ особенно существеннымъ измѣненіямъ предположенія составителей не подверглись, хотя два капитальныхъ вопроса—о поселеніи, какъ мѣрѣ наказанія, и объ условномъ осужденіи—еще не получили въ

совѣщаніи разрѣшенія, такъ какъ разсмотрѣніе ихъ было отложено. Въ настоящее время совѣщаніе приступило ко второй главѣ, предусматривающей посягательства на ограждающіе вѣру законы. Изъ этого видно, что завершенія работъ можно ожидать не скоро.

Образованная по Высочайшему повелѣнію 14 февраля 1896 г. при министерствѣ юстиціи изъ чиновъ какъ этого министерства, такъ и министерства финансовъ, **Комиссія для составленія устава о векселяхъ** по слухамъ, уже выполнѣ закончила свои работы; ею составленъ новый проектъ, котораго лишь нѣкоторыя частности остаются еще не выполнѣ установленными. Проектъ представляетъ существенныя особенности и преимущества въ сравненіи съ дѣйствующимъ уставомъ.

Прежде всего, въ немъ совершенно измѣнена самая система изложенія: постановленія о простыхъ векселяхъ и переводныхъ изложены раздѣльно, причѣмъ на первый планъ поставлены простые векселя и имъ отведено главное мѣсто, такъ какъ въ нашей внутренней торговлѣ извѣстенъ и употребителенъ почти исключительно простой вексель.

Затѣмъ, проектъ устраняетъ всякія ограниченія въ правѣ обявляться по векселямъ, предоставляя это право всѣмъ лицамъ, могущимъ по закону вступать въ обязательства по договорамъ; разрѣшаются поправки на вексели, въ которыхъ допущены существенныя по содержанию векселя измѣненія; устанавливаются правила о вексельномъ полномочіи, касающіяся вопроса, лишь въсколь затронутаго дѣйствующимъ уставомъ подъ именемъ „надписи препоручительной“; съ особою рельефностью излагаются правила объ отвѣтственности по векселямъ вообще; разрѣшается досрочная уплата по векселю какъ въ цѣлой суммѣ, такъ и по частямъ; устанавливается неизвѣстное дѣйствующему уставу право выкупа векселя послѣ протеста каждымъ отвѣтственнымъ по векселю лицомъ; вексель просроченный и не-протестованный признается не теряющимъ силы вексельнаго права по отношенію къ векселедателю; допускается обращеніе просроченныхъ векселей по индоссаменту; устанавливается особая вексельная давность, погашающая вексель вопліи, причѣмъ онъ уже не подлежитъ дѣйствію общей земской давности; вводится новый порядокъ протеста векселей; на случай утраты векселя даются совершенно новыя правила объ охраненіи правъ на полученіе по немъ платежа черезъ посредство суда.

Благодаря принятой проектомъ системѣ изложенія, раздѣлъ о переводныхъ векселяхъ носитъ по преимуществу ссылочный характеръ. Существенное отличіе проекта отъ дѣйствующаго устава въ отношеніи къ этому рода векселямъ состоитъ, между прочимъ, въ томъ, что предъявленіе къ принятію разсматривается проектомъ не какъ обязанность, а какъ право, даются точныя правила объ „ограниченномъ акцептѣ“, причѣмъ такой акцептъ признается отказомъ отъ принятія; важную особенность проекта представляетъ также вводимое имъ право досрочнаго удовлетворенія по непринятому векселю.

Кромѣ перечисленныхъ наиболѣе крупныхъ особенностей, проектъ представляетъ много новаго и въ своихъ деталяхъ. Въ настоящее время, какъ мы слышали,

происходить сношения между въдомствами министерствъ юстиціи и финансовъ по нѣкоторымъ частнымъ вопросамъ, не получившимъ еще окончательнаго разрѣшенія, а затѣмъ проектъ вексельнаго устава, пересмотръ котораго совершается непрерывно съ 1847 г., будетъ внесенъ за подписью министровъ юстиціи и финансовъ на разсмотрѣніе Государственнаго Совѣта.

По проекту примѣненія положенія о земскихъ учрежденіяхъ 12 іюня 1890 г. въ Архангельской губ., исполнительные органы земства имѣютъ быть ограничены губернской земскою управою, причемъ, въ случаѣ надобности, земское собраніе можетъ приглашать особыхъ агентовъ для завѣдыванія не только отдѣльными отраслями, но и всѣмъ хозяйствомъ отдѣльныхъ уѣздовъ, въ опредѣленныхъ собраніемъ предѣлахъ. Такого рода агенты, по проекту положенія, въ качествѣ исполнительныхъ органовъ губ. управы, могутъ быть избираемы, смотря по дѣйствительной надобности, по одному на каждый уѣздъ или на два, или болѣе уѣздовъ, и имъ могутъ быть поручаемы, въ частности, нѣкоторыя обязанности, которыя нынѣ лежатъ исключительно на уѣздныхъ управахъ, какъ напр. мѣстные распоряженія по устройству путей сообщенія, доставленіе губ. управѣ мѣстныхъ свѣдѣній для составленія смѣтъ, составленіе проектовъ этихъ послѣднихъ и т. п.

Что касается до порядка замѣщенія земскихъ должностей, то имѣется въ виду исключить правило 116 ст. полож. о зем. учрежд., въ силу коего въ земскія должности могутъ быть избираемы лишь лица, имѣющія право голоса на земскихъ избирательныхъ собраніяхъ, и, такимъ образомъ, имѣть быть открытъ доступъ для занятія земскихъ должностей всѣмъ лицамъ, получившимъ образованіе въ высшихъ или среднихъ учебныхъ заведеніяхъ, хотя бы и не владѣющихъ недвижимою собственностью, но удовлетворяющихъ установленнымъ общими въ законѣ условіямъ для замѣщенія земскихъ должностей.

По слухамъ, подъ предѣтельствомъ члена Государственнаго Совѣта статсъ-секретаря Э. В. Фрипа учреждена особая комиссія, которая займется вопросомъ объ объединеніи денежнаго обращенія въ Россіи и Финляндіи, т. е. о введеніи въ послѣдней русскаго золотого рубля.

По слухамъ, предполагавшееся введеніе въ текущемъ году земскихъ учреждений на Кавказѣ отложено на неопредѣленное время.

2-й сѣздъ русской группы междунар. союза криминалистовъ принялъ большинствомъ 16 голосовъ противъ 3-хъ (двое изъ членовъ воздержались отъ голосованія) слѣдующую, предложенную комитетомъ, резолюцію: 1) сѣздъ русскихъ криминалистовъ, находя воплѣтъ возможнымъ преодоленіе препятствій, указываемыхъ противъ немедленнаго введенія въ Россіи института условнаго осужденія, какъ судебного, высказываетъ пожеланіе о скорѣйшемъ принятіи нашимъ законодательствомъ этого института справедливости, человѣчности и государственной пользы; 2) въ качествѣ мѣръ, пригодныхъ для преодоленія указанныхъ трудно-

стей, сѣздъ рекомендуетъ: а) ограниченное на первое время допущеніе въ законодательствѣ этого института, съ возможно болѣе точнымъ указаніемъ условій его; б) обезпеченіе надлежащаго судебного контроля надъ приговорами единоличныхъ судей по этому предмету.

Подробный отчетъ о засѣданіяхъ сѣзда будетъ приложенъ къ слѣд. №

Въ Пр. Сенатѣ, по гр. кас. департаменту, разсматривался недавно чрезвычайно важный вопросъ желѣзнодорожнаго права о соблюденіи очереди отправки грузовъ.

Полтавскій окр. судъ, въ рѣшеніи по дѣлу о взысканіи съ желѣзной дороги установленнаго 101 ст. общ. уст. рос. жел. дор. вознагражденія за несвоевременную отправку грузовъ, нашель, что, согласно 51, 52 и 101 ст. упом. уст., подъ нарушеніемъ очереди отправки желѣзнодорожныхъ грузовъ понимается оставленіе груза на станціи отправленія по наступленіи предѣльнаго срока обязательной отправки оного, установленнаго министромъ путей сообщенія. На основаніи же циркуляра министра пут. сообщ. отъ 25 сентября 1890 г. за № 11189 и правилъ 25 марта 1895 г. (Собр. уз. и р. пр. за 1895 г. № 48), изданныхъ министромъ въ развитіи на основаніи 52 ст., желѣзныя дороги обязаны соблюдать не только порядокъ постепеннаго отправленія грузовъ каждой станціи въ отдѣльности, но и общій для всѣхъ станцій и той же дороги, установленный въ 9 ст. правилъ, срокъ отправленія грузовъ однородныхъ категорій и одного направленія перевозки. Несоблюденіе установленнаго въ п. 9 правилъ предѣльнаго срока отправки принятыхъ одновременно грузовъ съ разныхъ станцій одной и той же дороги влечетъ за собою отвѣтственность этой дороги по 101 ст. общ. уст., какъ то установлено и въ п. 5 циркуляра д-та жел. дорогъ отъ 30 марта 1895 г. за № 5588. По кассационной жалобѣ дороги-отвѣтчицы, Пр. Сенатъ отмѣнилъ рѣшеніе суда, за нарушеніемъ 49, 51 и 52 ст. общ. уст. рос. жел. дор.

Проектъ центрального банка для выдачи ссудъ учрежденіямъ мелкаго кредита, выработанный московскимъ сѣздомъ представителей ссудосберегательныхъ товариществъ, поступилъ нынѣ на разсмотрѣніе кредитной канцеляріи министерства финансовъ.

По англо-американскому международному третейскому разбирательству касательно Венесуэлы „Правит. Вѣстн.“ сообщаетъ слѣдующія новыя свѣдѣнія. По предложенію предсѣдателя этого международного третейскаго трибунала, т. е. Ф. Ф. Мартенса, откроются 13-го января въ Парижѣ, во французскомъ министерствѣ иностранныхъ дѣлъ, засѣданія трибунала для разрѣшенія нѣкоторыхъ предварительныхъ процессуальныхъ вопросовъ. Кромѣ предсѣдателя, уже выѣхавшаго въ Парижъ, въ этой предварительной парижской сессіи англо-американскаго третейскаго трибунала примутъ участіе: съ великобританской стороны—лордъ Гершель и Нинъ Коллинсъ; съ американской—судья Брюэръ, членъ верховнаго суда Соединенныхъ Штатовъ. Второй американскій членъ мистеръ Фуллеръ, верховный судья Соединенныхъ Шта-

товъ, не будетъ участвовать въ предстоящей парижской сессіи по причинѣ положительнаго запрещенія конституціею великой сѣверо-американской республики верховному суду покинуть территорию государства во время засѣданій вашингтонскаго конгресса. Разбирательство всего англо-американскаго спора по существу начнется въ Парижѣ не раньше мая мѣсяца и при полномъ составѣ всѣхъ членовъ этого международнаго третейскаго трибунала.

Пр. Сенатъ разъяснилъ, что **жалобы, приносимыя земскими учреждениями въ Сенатъ**, не подлежатъ оплатѣ гербовымъ сборомъ.

Съ переустройствомъ центральныхъ учреждений министерства внутреннихъ дѣлъ существуетъ, какъ передаютъ газеты, предположеніе образовать при хозяйственномъ департаментѣ **особое отдѣленіе для собиранія и разработки данныхъ и свѣдѣній, относящихся до хозяйствъ земскихъ и городскихъ учреждений**. Такого рода свѣдѣнія предполагается издавать въ видѣ отдѣльныхъ сборниковъ.

Государственная канцелярія изготавляетъ **новое изданіе устава строительнаго**, приводящее въ надлежащее согласованіе состоявшіяся до послѣдняго времени дополненія и измѣненія устава 1857 года.

Въ министерствѣ земледѣлія разрабатывается **проектъ о залогѣ майоратныхъ имѣній въ Привислянскомъ краѣ**, гдѣ до сихъ поръ, на основаніи ст. 23 прил. къ 711 ст. гражданскаго кодекса 1825 г. (ст. 23), залогъ такихъ имѣній запрещенъ. Проектъ, вызванный многочисленными ходатайствами о разрѣшеніи владѣльцамъ брать ссуды подъ свои имѣнія, составленъ департаментомъ государственныхъ земельныхъ имуществъ, въ смыслѣ разрѣшенія владѣльцамъ майоратныхъ имѣній въ привислянскихъ губерніяхъ въ особу уважительныхъ случаевъ брать изъ мѣстныхъ кредитныхъ учреждений ссуды, которыя должны быть употребляемы исключительно на улучшеніе экономическаго положенія закладываемаго имѣнія. Этотъ проектъ былъ препровожденъ министерствомъ на заключеніе вѣдомствъ. Нынѣ отзывы уже доставлены, и министерство земледѣлія представитъ разработанный законопроектъ въ ближайшемъ будущемъ въ Государственный Совѣтъ на утвержденіе.

Министерствами финансовъ и внутр. дѣлъ выработаны и внесены въ Госуд. Совѣтъ особыя **правила о составленіи, храненіи и расходованіи дорожныхъ капиталовъ** въ тѣхъ губерніяхъ Европейской Россіи, въ коихъ не введены земскія учрежденія.

Екатеринбургскій окружный судъ рассмотрѣлъ недавно любопытное **дѣло по обвиненію бывшаго пристава 5 ст. Верхотурскаго у. Чернова въ нанесеніи оскорбленія дѣйствіемъ сельскому старостѣ А. С. Зудову**.

Стан. приставъ Черновъ пріѣхалъ въ село Бродовское, Верхотур. у., въ домъ къ Зудову для опроса его о способахъ уплаты предъявленныхъ къ Зудову претен-

зій. Когда опросъ былъ оконченъ, и приставъ собирался уходить, Зудовъ, прощаясь съ нимъ, протянулъ ему руку, въ отвѣтъ на что приставъ, размахнувшись, ударилъ Зудова по щекѣ.

По жалобѣ Зудова приставъ Черновъ былъ преданъ суду пермскимъ губернскимъ правленіемъ и въ объясненіи указалъ на то, что онъ никогда не подаетъ руки не только сельскимъ старостамъ, но и старшинамъ. Зудовъ, по объясненію г. Чернова, сунулся къ нему съ рукой, а онъ, Черновъ, сдѣлалъ ему строгое внушеніе за простушокъ.

Нанесеніе оскорбленія дѣйствіемъ г. Черновъ отрицалъ, но на судебномъ слѣдствіи фактъ оскорбленія Зудову былъ вполне подтвержденъ.

Прокуроръ поддерживалъ обвиненіе. Судъ, разравшій дѣло безъ участія присяжныхъ засѣдателей, призналъ пристава Чернова виновнымъ въ вышеозначенномъ преступленіи и приговорилъ его къ заключенію подъ арестъ на военной гауптвахтѣ на 7 дней.

(Бирж. Вѣд.).

Недавно въ Козелецкомъ уѣздѣ, Черниговской губ., въ волостномъ судѣ разбиралось **дѣло „о злоупотребленіяхъ, относящихся къ волшебству“**. Обвинялась нѣкая Хотина-Гуринова; обвинялъ казакъ Недилька.

Казакъ Недилька съ ужасомъ узналъ, что Хотина ночью бросила ему во дворъ битые черепки и потомъ прохаживалась около двора безъ всякой надобности.

Казакъ Недилька на судѣ утверждалъ, что все это обвиняемая продѣлывала съ цѣлью волшебства. То же клятвенно утверждали и двѣ свидѣтельницы.

И волостной судъ съ полнымъ вниманіемъ отнесся къ этому дѣлу.

Послѣ допроса свидѣтелей и свидѣтельницъ, судъ приговорилъ Хотину къ семидневному аресту и въ то же время обязалъ ее снять съ казака волшебство.

(Ен.).

Въ с. Березовкѣ, Петровскаго уѣзд., Саратов. губ. на первый день Рождества мѣстными полицейскими властями **уличены были въ денежной игрѣ пять обывателей с. Березовки**: три крестьянина, полицейскій десятникъ и личный почетный гражданинъ г. П.

Для составленія по этому случаю протокола пригласили урядника 6 уч. 1 ст. В—а.

Вызвавъ всѣхъ обвиняемыхъ въ волостное правленіе, урядникъ В. положилъ слѣдующую резолюцію: „Предать обвиняемыхъ суду онъ не желаетъ, а хочетъ ограничиться наказаніемъ въ административномъ порядкѣ,—всѣхъ обвиняемыхъ приговариваетъ къ тѣлесному наказанію—къ пяти ударамъ розги“. По приказанію урядника В—а, сторожъ каждому провинившемуся (въ томъ числѣ, слѣдов. и личному почетному гражданину) отпустилъ назначенное число ударовъ, подъ команду администратора и, затѣмъ, высѣченные были отпущены съ миромъ. (Сар. Дн.).

Въ декабрѣ прошлаго года Таганрогскій окружный судъ, безъ участія присяжныхъ засѣдателей, слушалъ **дѣло о 22 горнорабочихъ, обвинявшихся въ преступленіи, предусмотрѣнномъ ст. 1358¹, 1358² и 1358³ улож. о нак.**

Обвинительный акт излагает обстоятельства дѣла въ слѣдующемъ видѣ.

Въ первыхъ числахъ іюня 1897 г. на рудникахъ русскаго донецкаго общества, Макѣевской волости, Таганрогскаго округа, произошла стачка горнорабочихъ съ цѣлью понужденія администраціи общества повысить заработную плату. Стачка сопровождалась прекращеніемъ работъ, буйствомъ и поврежденіемъ заводскихъ зданій. Рабочіе, свыше 1500 человекъ, наняты были на срокъ отъ Пасхи до Покрова. До Троицы работы производились безостановочно, но затѣмъ начали циркулировать слухи, что послѣ праздниковъ рабочіе потребуютъ увеличенія заработной платы или же въ противномъ случаѣ прекратятъ работы. Дѣйствительно, на четвертый день Троицы, 4-го іюня, рабочіе шахты „Капитальная“, вмѣсто того, чтобы идти на работы, съ 6 час. утра собрались въ конторѣ и стали требовать отъ завѣдующаго шахтою инженера Бокія прибавки платы свыше 20%, угрожая иначе оставить работы. Бокій заявилъ, что правленіе не можетъ сдѣлать прибавки, но взамѣнъ этого предлагаетъ для нихъ безплатный подвозъ къ баракамъ воды, назначаетъ преміи для рабочихъ, проработавшихъ не менѣе 20 дней въ мѣсяцъ, и т. п. Рабочіе подняли шумъ, крикъ, требуя прибавки. Въ это время получено было сообщеніе о буйствѣ рабочихъ на шахтѣ „Сергій“, и часть казаковъ отдѣлена была туда, а часа черезъ два замѣчено было появленіе огня. Оказалось, что рабочіе подожгли лежавшій вблизи шахты навозъ, и когда сдѣлано было распоряженіе тушить возникшій пожаръ, то они препятствовали этому, швыряя камнями въ заливавшихся огонь людей. Несмотря на это, пожаръ былъ прекращенъ.

На другой день рабочіе опять собрались въ конторѣ, требуя расчета, но здѣсь уже, благодаря распоряженію администраціи, беспорядки были прекращены, и затѣмъ, съ 7-го іюня, работы начали вновь производиться.

Такіе же беспорядки въ то же самое время происходили въ шахтахъ „Сергій“ и „Иванъ“.

По показанію вице-директора рудниковъ, г. Оливье Пета, убытка отъ беспорядковъ причинено обществу до 10 тыс. рублей.

Предварительное слѣдствіе выяснило, что главное участіе въ стачкѣ и буйствѣ принимали 22 рабочихъ. Они не признали себя виновными, объясняя, что въ составленіи съ умысломъ стачки не участвовали, а требовали только прибавки заработной платы. То же удостоверяли и нѣкоторые изъ свидѣльскихъ показаній.

Товарищъ прокурора отказался отъ обвиненія всѣхъ подсудимыхъ, кромѣ Путилина.

Окружный судъ, какъ сообщаютъ „Х. Губ. В.“, вынесъ всѣмъ подсудимымъ оправдательный приговоръ.

22 декабря въ кабинетѣ присяжныхъ повѣренныхъ Саратовскаго окружнаго суда состоялось **общее собраніе присяжныхъ повѣренныхъ**, открытое предѣвателемъ окружнаго суда. Это было первое общее собраніе на основаніи учрежденія комиссіи присяжныхъ повѣренныхъ при Саратовскомъ окружномъ судѣ, каковое учрежденіе утверждено общимъ собраніемъ отдѣленій окружнаго суда. Въ собраніи были произведены выборы членовъ комиссіи присяжныхъ повѣренныхъ, и избран-

ными оказались: прис. повѣр. Лѣсковъ, Лызловъ, Ивановъ, Токарскій и Теленевъ. Предѣвателемъ комиссіи избранъ пр. пов. Н. А. Лѣсковъ.

„Сѣв. Край“ передаетъ, что очередное костромское губернское **земское собраніе единогласно постановило** принять предложеніе гл. Н. Л. Владимірова: **ходатайствовать** предъ правительствомъ о **возможности учреждать при управахъ консультацію** для юридической защиты населенія.

Ржевское уѣздное земское собраніе, въ виду разъясненія Правительствующаго Сената, что организація **безплатной юридической помощи** не входитъ въ кругъ правъ и обязанностей земства, единогласно постановило ходатайствовать предъ правительствомъ о разрѣшеніи въ этомъ смыслѣ компетенціи земства.

Въ № 5 „С.-Петербургскихъ Вѣдомостей“ напечатана приводимая ниже съ незначительными сокращеніями корреспонденція г-жи Яковлевой-Лайской изъ Малоарославскаго уѣзда. „Раннимъ утромъ 15-го декабря прошлаго года по Калужскому большаку, по направленію отъ почтовой станціи Михѣево къ г. Малоарославцу, двигался несовсѣмъ обычный кортежъ: на двѣнадцать подводкахъ везли двѣнадцать человекъ крестьянскихъ дѣтей школьнаго возраста въ сопровожденіи такого же числа взрослыхъ. Маленькіе путники, — большинство дѣвочки, — были вызваны повѣтками земскимъ начальникомъ 1-го участка Малоарославскаго уѣзда Челищевымъ въ качествѣ потерѣвшихъ: искуссанная собакой крупнаго землевладѣльца Малоарославскаго уѣзда Медвѣдева, они по жалобѣ своихъ родителей явились почти за двадцать верстъ, искать правосудія и удовлетворенія.

Когда, наконецъ, земскій начальникъ прибылъ, — и по исполненіи обычныхъ формальностей въ дѣлѣ искуссанныхъ собакою дѣтей онъ хотѣлъ приступить къ разбору обстоятельствъ событія, — оказалось, что вызвавъ потерѣвшихъ, земскій начальникъ *забылъ* вызвать обвиняемаго!

Однажды мнѣ случилось уже быть свидѣтельницей, какъ одинъ земскій начальникъ Мешовскаго уѣзда объявилъ защитнику потерѣвшаго, что не можетъ постановить приговора „потому, что забылъ дома законы“; но, чтобы можно было забыть объ одной изъ сторонъ, назначивъ повѣтками день и часъ явки для другой — это едвали не первый примѣръ въ аналахъ правосудія.

Имѣлъ-ли земскій начальникъ Челищевъ въ виду склонить этой отерочкой стороны къ примиренію? Желалъ-ли, чтобы время наложило свой, такъ сказать, пластырь на знаки собачьихъ клыковъ, — этого разумѣется, не зная чужихъ побужденій, утверждать нельзя“.

Въ заключеніе г-жа Яковлева-Ланская приводитъ небольшую справку о томъ, какъ часто „отправляемое земскимъ начальникомъ Челищевымъ правосудіе страдаетъ отъ его забывчивости: такъ, по *забычивости* онъ бываетъ принужденъ собственноручно исправлять неточно записанныя показанія свидѣтелей, — какъ было по дѣлу объ уводѣ крестьянкой Хромченковой чужой коровы; такъ, въ страдную пору, когда

потеря каждого часа грозит крупными убытками, — земский начальник Челищевъ, вызвавъ стороны къ 9 часамъ утра, самъ *по забывчивости* является только около полудня, какъ было по дѣлу мастера Гольцова; такъ, наконецъ, въ дѣлѣ нападенія, совершеннаго арендаторомъ наследниковъ Ланского на земледѣльца Скуинга, онъ *по забывчивости* записалъ въ протоколъ, чего не было при разборѣ, отказавъ, между прочимъ, вызвать выставленныхъ имъ свидѣтелей.

Общеземскій органъ. Первая мысль объ изданіи общеземскаго періодическаго органа принадлежитъ Костромской губ. земской управѣ; мысль эта встрѣчена была весьма сочувственно Московской губ. земск. управой; послѣдняя, списавшись съ предсѣдателями остальныхъ земскихъ управъ, выработала вчернѣ планъ изданія и предложила его на обсужденіе губернскихъ земскихъ собраний.

Планъ этотъ, въ общихъ чертахъ, заключается въ слѣдующемъ.

Общеземскій органъ издается въ Москвѣ на средства всѣхъ губернскихъ земствъ. Онъ является выразителемъ общеземскихъ интересовъ, равно какъ мѣстныхъ интересовъ всѣхъ, безъ исключенія, земствъ. Онъ объединяетъ земскую дѣятельность, способствуетъ выясненію ея цѣлей и средствъ. Общеземскій органъ издается въ формѣ ежемѣсячнаго журнала; ежегодно, въ видѣ приложения къ журналу, будетъ даваться обзоръ дѣятельности всѣхъ земствъ Россіи за истекшій годъ по всѣмъ отраслямъ земскаго хозяйства.

Средства, необходимыя для изданія общеземскаго органа, составляются изъ субсидій отъ отдѣльныхъ земствъ въ размѣрѣ отъ 1,000 руб. и больше.

Тѣ губернскія собранія, которыя отнесутся сочувственно къ проектируемому изданію, должны обратиться съ ходатайствомъ къ правительству о его разрѣшеніи. Насколько намъ извѣстно, такія ходатайства уже воспослѣдовали со стороны нѣкоторыхъ земствъ.

Владимірское губернское земское собраніе 25 г. лосами противъ 15 отклонило предложеніе гороховецкаго уѣзднаго земства ходатайствовать **объ отменѣ тѣлесныхъ наказаній крестьянъ** по постановленіямъ волостныхъ судовъ. Между тѣмъ изъ представленія гороховецкаго земства видно, что еще въ 1858 г. владимірскимъ губернскимъ (дворянскимъ) комитетомъ тѣлесное наказаніе признано было ненужнымъ.

Саратовскимъ губернскимъ земскимъ собраніемъ одобрено ходатайство петровскаго земства **о разрѣшеніи ему кредита въ государственныхъ кредитныхъ учрежденіяхъ** въ размѣрѣ полугодоваго смѣтнаго оклада, на удовлетвореніе текущихъ расходовъ, причемъ, по словамъ „Сарат. Дневн.“, губернское собраніе признало справедливымъ, чтобы подобная мѣра была распространяема на всѣ аналогичныя ходатайства.

Владимірское губернское земство постановило ходатайствовать предъ правительствомъ **о введеніи обязательнаго государственнаго страхованія фабрично-заводскихъ рабочихъ.**

Духовщинскимъ уѣзднымъ земствомъ, Смоленской губерніи, впервые былъ возбужденъ **вопросъ объ обложеніи земскимъ сборомъ церковныхъ земель.** Избранная по сему предмету комисиія пришла къ тому заключенію, что земли, приписанныя къ церквамъ, какъ пожертвованныя на нужды церкви и причта помѣщиками, т. е. такъ называемыя писцовыя земли, на основаніи указа Правительствующаго Сената отъ 10 февраля 1888 г., приравниваются къ землямъ, даннымъ церквамъ правительствомъ, и потому обложенію не подлежатъ, подобно тому, какъ изъятія отъ земскаго обложенія земли, не приносящія дохода, какъ-то: подѣ церквами, погостами и усадьбами причтовъ. Что же касается до земель, приобретаемыхъ церквами и причтомъ по купчимъ крѣпостямъ, то таковыя должны быть, по мнѣнію комисиіи, облагаемы земскимъ сборомъ на общемъ основаніи. Заключеніе комисиіи было принято и утверждено земскимъ собраніемъ.

Отчетъ по кассационнымъ департаментамъ Пр. Сената за 1897 г.

Просматривая рѣшенія, напечатанныя въ сборникѣ за 1897 г., нельзя не обратить вниманія на медленность сенатскаго производства: изъ рѣшенія № 1 видно, что дѣло по иску Панкѣевыхъ къ одесскому городскому общественному управленію объ убыткахъ разрѣшено окружнымъ судомъ 25 мая 1890, рѣшеніе палаты состоялось 30 марта 1891 г., а Пр. Сенатъ постановилъ свое рѣшеніе 15 января 1897 г., т. е. въ производствѣ Сената дѣло находилось почти 6 лѣтъ. Рѣшеніе, напечатанное подъ № 7, по жалобѣ на Р.-Вольмарскій мировой съѣздъ, состоялось 5 февраля 1897 г., а прошеніе мировому судѣ подано 5 сентября 1894 г. Такое положеніе дѣлъ невольно приводитъ на умъ справедливыя слова Н. В. Муравьева, сказанныя имъ при открытіи сибирскихъ судебныхъ установленій: „Служители новаго суда слишкомъ хорошо знаютъ, что онъ можетъ быть правый и равный только при скорости, потому что всякая правда теряется въ судебномъ томленіи“.

Главная причина этой медленности заключается несомнѣнно въ недостаточности личнаго состава кассационныхъ департаментовъ. Какъ видно изъ отчета, въ 1897 г. въ гражданскомъ департаментѣ состояло, кромѣ первоприсутствующаго, 25 сенаторовъ, причемъ четверо изъ нихъ не принимали участія въ докладѣ дѣлъ, состоя членами комисиіи для пересмотра законоположеній по судебной части и комисиіи по составленію гр. уложенія.

Къ оставшимся на 1 января 1897 г. 5,666 не-

разрѣшеннымъ дѣламъ прибавилось въ теченіе отчетнаго года 8,323 дѣла, разрѣшено Сенатомъ въ теченіе года 7,432, т. е. каждому сенатору, въ среднемъ, пришлось разсмотрѣть и написать рѣшенія по 354 дѣламъ. Несмотря на это, по истинѣ невѣроятное, количество, остатокъ нерѣшенныхъ дѣлъ безнадежно увеличивается и достигаетъ къ 1 января 1898 г.—6,557 дѣлъ, т. е. на 891 больше сравнительно съ предыдущимъ годомъ. Можно надѣяться, что въ настоящемъ году дѣло приметъ болѣе благоприятный оборотъ, въ виду послѣдовавшаго назначенія четырехъ новыхъ сенаторовъ, которые будутъ принимать участіе въ докладѣ дѣлъ.

Число кассированныхъ рѣшеній составляетъ 35% по отношенію къ общему числу разсмотрѣнныхъ дѣлъ, причемъ % значительно колеблется по отдѣльнымъ округамъ: для Саратовской суд. палаты онъ составляетъ 43%, для Одесской—25%. Наряду съ этимъ, по дѣламъ мировой юстиціи на Саратовской округъ приходится минимальный %—24, а наибольшій (49%) на округъ Московской палаты. Къ сожалѣнію, данныя отчета представлены въ столь обобщенныхъ цифрахъ, что нѣтъ возможности сдѣлать какое-либо заключеніе о причинахъ этихъ колебаній. Намъ думается, что причины болѣе или менѣе выяснились бы, если бы дѣла были распредѣлены на рубрики по роду ихъ, и, съ другой стороны, если бы указанъ былъ % обжалованныхъ рѣшеній къ общему числу постановленныхъ данной палатой.

Въ иномъ видѣ рисуется отчетъ дѣятельность уголовного кассационнаго департамента. Правда, и здѣсь число поступающихъ дѣлъ не перестаетъ увеличиваться: въ отчетномъ году поступило 8,328 дѣлъ—на 410 болѣе сравнительно съ 1895 г. Но это увеличеніе не препятствуетъ скорости производства. Къ 1 января 1898 г. было не доложено дѣлъ: поступившихъ до 1897 г.—25, поступившихъ въ 1897 г. по июль—40, послѣ июля—1,641 дѣло. Всего въ 1897 г. окончено 9,028, такъ что къ 1 января 1898 г. неоконченныхъ дѣлъ осталось 1,706 и, такимъ образомъ, остатокъ этотъ, сравнительно съ предшествующимъ годомъ, меньше на 700 дѣлъ. Наряду съ этимъ численный составъ угол. департамента еще меньше состава гражданскаго: кромѣ первоприсутствующаго, имѣется лишь 20 сенаторовъ, такъ что на каждаго приходилось въ 1898 г. 451 рѣшенное дѣло. Обращаетъ вниманіе поразительно низкій % случаевъ отмѣны приговоровъ: по дѣламъ мировыхъ судебныхъ установленій число отмѣненныхъ приговоровъ по отношенію къ общему числу обжалованныхъ составляетъ 20% (съ колебаніями отъ 7 до 37%), по дѣламъ общихъ судебныхъ установленій этотъ процентъ выражается цифрой 9½; если же изъ числа послѣднихъ выдѣлится тѣ дѣла, которыя доходятъ до Сената по просьбамъ участвовавшихъ въ дѣлѣ лицъ (т. е. исключить тѣ, по которымъ принесенъ протестъ прокурорскимъ надзоромъ), то процентъ отмѣненныхъ приговоровъ оказывается еще ниже, достигая лишь цифры 6,8. Какъ видно изъ отчета, въ судебныхъ засѣданіяхъ департаментомъ разсмотрѣно лишь 67 дѣлъ, т. е. изъ всей массы жалобъ и протестовъ лишь въ 67 случаяхъ оказалась необходимость въ разъясненіи точнаго смысла законовъ. Въ распорядительныхъ засѣда-

ніяхъ департамента (гдѣ устраняются ходатайства, предъявленные съ нарушеніемъ требуемыхъ закономъ формальныхъ условій или не заключающія никакихъ указаній на поводы къ отмѣнѣ судебныхъ рѣшеній) окончено 1,733 дѣла; съ другой же стороны, передано изъ отдѣленій въ распорядительный столъ, какъ признанныхъ пустыми съ судопроизводственной точки зрѣнія, 1,156 дѣлъ.

Библиографія.

В. М. Овчинниковъ, земскій начальникъ 3 участка Соликамскаго уѣзда, Пермской губ. *О передѣлахъ мѣрской земли по закону 8 іюня 1893 года. Кратное руководство къ постановленію, проверкѣ и утвержденію приговоровъ о передѣлахъ мѣрской земли.* Пермь. 1898. 76 стр. Цѣна 25 и.

Въ началѣ книги приведенъ какъ самый текстъ закона 8 іюня 1893 г. (правила о передѣлахъ мѣрской земли), такъ и восплѣдовавшія къ нему разъясненія Сената, заимствованныя изъ сборника Горемыкина. Здѣсь авторъ указываетъ, въ чемъ именно этотъ законъ измѣнилъ прежде существовавшія права сельскаго схода по передѣлу земель, и какими вообще законами регулируется въ настоящее время этотъ вопросъ, причемъ статьи закона, непосредственно къ нему относящіяся, выписаны цѣликомъ.

Переходя въ слѣдующемъ параграфѣ къ вопросу о земляхъ, подлежащихъ передѣлу, авторъ слѣдуетъ той же системѣ, но тутъ, къ сожалѣнію, не даетъ сенатскихъ толкованій приводимыхъ имъ статей закона.

Остальные два параграфа посвящены описанію, а отчасти и критикѣ встрѣчающихся на практикѣ основаній и способовъ разверстки земли между членами общества, и порядку постановленія и утвержденія приговоровъ о передѣлахъ. Въ заключеніе приведенъ образецъ, предлагаемый авторомъ для такого приговора.

Авторъ очевидно не гонится ни за исчерпывающею полнотою книжки (даже и относительно законодательнаго матеріала) ни за глубиною и оригинальностью своихъ мыслей; тѣмъ не менѣе книга эта, заключающая въ себѣ все непосредственно нужное, конечно, можетъ принести немалую пользу не только крестьянамъ и сельскимъ должностнымъ лицамъ, разъяснивъ имъ ихъ права и обязанности, но и земскимъ начальникамъ, которые, по свидѣтельству автора, „иногда представляютъ на утвержденіе съѣздовъ приговоры, постановленные съ коренными нарушеніями закона 8 іюня 1893 г.“

Franz von Liszt. *Das Völkerrecht systematisch dargestellt.* Berlin, 1898, bei O. Haering. 254 стр. 6 М.

Въ жизни всякаго профессиональнаго международника бываютъ минуты тяжелаго сомнѣнія. Съ сердечною болью наблюдаетъ теорикъ, какъ наканунѣ XX вѣка одинъ изъ цивилизованнѣйшихъ членовъ „международнаго общенія“ объявляетъ войну такому государству, которое, очевидно, не имѣетъ ни возможности, ни желанія воевать,—какъ протекаетъ безсмысленная борьба, имѣющая право только на девизъ: „à vaincre sans péril on triomphe sans gloire“,—какъ, наконецъ, побѣдитель увѣнчиваетъ свои дѣйствія издѣвательствами надъ побѣжденнымъ и надъ имъ же самимъ подписанными договорами. Въ эти моменты—когда въ душу закрадывается сомнѣніе о томъ, правы-ли были Кальтенборны, Бульмеринки и Бергбомы, ратуя за существованіе международнаго права—въ эти момен-

ты приятно открыть книгу вроде только что вышедшаго въ свѣтъ учебника проф. Листа. Въ этой книгѣ нѣтъ ни единой строки, посвященной умозрительнымъ доказательствамъ существованія права, регулирующаго отношенія государства между собой; а между тѣмъ, дочитывая ея послѣднюю страницу, только недобросовѣстный человекъ рѣшится отрицать международное право. Даже на человека хорошо знакомаго съ вопросами, изложенными въ новомъ учебникѣ, книга Фр. Листа производитъ самое сильное впечатлѣніе: благодаря ея компактности, ясности и краткости, положительное международное право, обыкновенно расплывающееся въ массѣ постороннихъ разсужденій, — выступаетъ съ особенною рельефностью.

Мы не станемъ передавать воззрѣній, изложенныхъ въ учебникѣ проф. Листа: на 250 маленькихъ страницахъ нѣтъ возможности изложить все международное право, да еще, по пути, создать какія-нибудь новыя теоріи. Достоинство новаго руководства заключается въ методѣ изложенія, въ томъ искусствѣ, приобрятаемомъ только годами опыта, — съ которымъ авторъ передаетъ учащемуся нужныя свѣдѣнія. Въ чемъ заключается этотъ методъ съ внутренней стороны, мы сказать, конечно, не можемъ: это секретъ автора, разгадку котораго почувствуютъ тотъ, кто прочитаетъ самую книгу. Съ внѣшней же стороны проф. Листъ употребляетъ обычный въ Германіи приемъ дѣленія текста на научные тезисы (жирный шрифт) и на объяснительныя къ нимъ дополненія. Когда читаешь руководство, то такъ и чудится нѣмецкій профессоръ, который сперва диктуетъ *Lehrsatz*, а затѣмъ, „вольнымъ“ голосомъ, рассказываетъ комментарий.

Къ сожалѣнію, въ книгу вкралось нѣсколько опечатокъ и неточностей, могущихъ сбить съ толку неопытнаго учащагося. На стр. 13 текстъ изложенъ такъ дурно, что читатель можетъ причислить Англію къ числу государствъ, примкнувшихъ къ Священному Союзу. — На стр. 15 Петербургская конвенція озаглавлена неточно, какъ будто бы она запрещаетъ употребленіе взрывчатыхъ веществъ на войнѣ (*Sprengstoffen*). — На стр. 28 вѣчная нейтрализація конструирована какъ ограниченіе *суверенитета* нейтрализован-

наго государства: неужели же Бельгія есть не вполне суверенное государство? — Съ легкой руки Сельдена, терминъ „*mare clausum*“ получилъ въ международномъ правѣ такое неприятое значеніе — что употребленія его (безъ всякой нужды), напр., для обозначенія Азовскаго моря — неудобно (стр. 50 и 141). Нельзя сказать, что при перемѣнѣ въ лицѣ монарха всѣ аккредитованные при данномъ дворѣ дипломатическіе агенты *обыкновенно отзываются* („*meist abgerufen*“, стр. 75); все дѣло сводится къ представленію новыхъ грамотъ. — На стр. 77 въ числѣ противниковъ дипломатическихъ привилегій указанъ *Beling*, а пропущенъ *Laurent*. — На стр. 87 ошибочно указанъ Мадагаскаръ въ числѣ территорій, подлежащихъ консульской юрисдикціи. — Бюро международного союза для защиты литературныхъ произведеній основано въ 1886 г., а не въ 1856 г. (стр. 97). — На стр. 101 приведены устарѣлыя свѣдѣнія о составѣ египетскихъ смѣшанныхъ судовъ. — Конвенція о желѣзнодорожныхъ транспортахъ вступила въ силу въ 1893 г., а не въ 1883 г. (стр. 160). — Наоборотъ, телеграфный союзъ показанъ состоявшимся на 20 лѣтъ позже дѣйствительнаго момента его основанія (17 мая 1885 г. — стр. 164). — На стр. 205, въ числѣ репрессалій, указана, будто бы, примѣняемая нынѣ „андролепсія“. — На стр. 223 указано въ числѣ недозволённыхъ военныхъ средствъ — закладываніе минъ въ сухопутной войнѣ (?). — Ученіе о неприкосновенности частной собственности изложено въ отдѣлѣ объ оккупации (стр. 229). — Ученія о выдачѣ совѣмъ нѣтъ.

Несмотря на такія мелочныя погрѣшности, книга проф. Листа заслуживаетъ полнаго вниманія — и переведеніе ея перевода на русское языкъ было бы очень желательнымъ. Особенно интересны краткія, но замѣчательно искусно составленныя литературныя указанія. Специально русскимъ читателямъ будетъ, вѣроятно, лестно прочесть на стр. 19, что проф. Листъ указываетъ, какъ на *empfehlen werteste*, на слѣдующіе семь общихъ курсовъ международного права: *Gareis, Holtzendorff, Martens, Stoerk* (въ энциклопедіи), *Ullmann* и объ работы покойнаго *Rivier*.

А. П.—о.

Судебная и судебно-административная практика.

1 Департаментъ Правительствующаго Сената.

(Указъ 7 авг. 1898 г.).

(*Право обложенія городскимъ сборомъ лошадей, принадлежащихъ земству ст. ст. 127, 134 и прил. къ ст. 134 гор. пол.*)

Въ засѣданіи 16 октября 1890 г. Черниговская городская дума отклонила ходатайство Черниговской губернской земской управы объ освобожденіи отъ городского налога принадлежащихъ земству (сиротскому дому и губернской земской больницѣ) лошадей и экипажей.

На это постановленіе городской думы Черниговской губ. земская управа принесла жалобу въ Пр. Сенатъ.

Разсмотрѣвъ настоящее дѣло, Правительствующій Сенатъ находитъ, что въ ст. I прил. къ ст. 134 гор. пол. (т. II св. зак. изд. 1892 г., правила относительно установленія въ пользу городовъ сборовъ съ лошадей и экипажей) точно обозначено, какія лошади обложенію упомянутыми сборами не подлежатъ и въ числѣ коихъ лошади, принадлежащія земскимъ учрежденіямъ, не упомянуты. Посему и

принимая во вниманіе, что за неосвобожденіемъ приведенной статьёй закона лошадей земскихъ учреждений отъ обложенія устанавливаемыми въ пользу городовъ сборами съ лошадей и экипажей сіи лошади облагаются названными сборами на общемъ основаніи и что, въ виду сего, Черниговская городская дума, обложивъ въ пользу гор. Чернигова сборомъ лошадей и экипажей, содержимыя Черниговскимъ губернскимъ земствомъ для надобностей сиротскаго дома и губернской земской больницы, не вышла изъ предоставленныхъ ей по закону предѣловъ власти и порядка дѣйствій, Правительствующій Сенатъ признаетъ жалобу Черниговской губернской земской управы незаслуживающей уваженія, а потому *опредѣляетъ*: таковую оставить безъ послѣдствій.

Согласно ст. 127 гор. пол., въ пользу городского поселенія устанавливается, между прочимъ, сборъ съ лошадей и экипажей, содержимыхъ *частными* лицами.

Ст. 127, начинающая пятую главу гор. пол., исчисляетъ всѣ вообще городскіе сборы. Остальныя статьи этой главы являются только развитіемъ

ст. 127 и, такимъ образомъ, не могутъ находиться съ ней въ противорѣчїи; — напимѣрь, установить обложеніе лошадей и экипажей, содержимыхъ не частными лицами. И дѣйствительно, какъ ст. 134 гор. пол., такъ и второе приложеніе къ ней („правила относительно установленія въ пользу городовъ сборовъ съ лошадей и экипажей“) говорятъ только объ установленіи и взиманіи сборовъ съ лошадей и экипажей, содержимыхъ частными лицами.

Согласно ст. 1 прил. къ ст. 134, въ случаѣ введенія въ городъ сборовъ съ лошадей или экипажей оплатъ семи сборами подлежатъ всѣ лошади и экипажи, содержимые въ городъ, предѣлахъ частными лицами и учреждениями (обществами, товариществами, компаніями), за исключеніемъ и т. д. . .

Въ числѣ исключеній не указаны земскія учрежденія; въ виду этого Сенатъ полагаетъ, что лошади и экипажи земства могутъ быть обложены городскимъ сборомъ. Но само собою разумѣется, что, рассматриваемая статья въ видѣ исключенія исключаетъ только частныхъ лицъ и частныхъ учрежденія, лошади и экипажи которыхъ свободны отъ налога. Такъ напимѣрь, п. п. 2, 3, 4 и 5 этой статьи говорятъ объ иностранныхъ дипломатическихъ представителяхъ, о генеральныхъ консулахъ, объ извозчикахъ и содержателяхъ почтовыхъ ставцій, о лицахъ, временно пребывающихъ въ городъ и т. д.; если же п. 1 и говоритъ о состоящихъ на государственной службѣ, то только потому, что относительно нихъ можетъ возникнуть сомнѣніе, не содержать-ли они экипажи и лошадей въ качествѣ частныхъ лицъ.

Во всякомъ случаѣ, неупоминаніе въ числѣ исключеній объ учрежденіяхъ, не имѣющихъ частнаго характера, т. е. о публично-правныхъ учрежденіяхъ, никоимъ образомъ не можетъ служить доказательствомъ того, что означенныя учрежденія подлежатъ обложенію городскимъ сборомъ. Напротивъ, именно потому, что публично-правныя учрежденія не облагаются городскимъ сборомъ, имъ нѣтъ и не можетъ быть мѣста въ перечнѣ исключеній рассматриваемой статьи.

Публично-правный характеръ земскихъ учрежденій, конечно, не можетъ подлежать никакому сомнѣнію. По словамъ Высоч. указа о введеніи въ дѣйствіе земскаго положенія 1890 г., земскимъ учрежденіямъ поручено государственное дѣло, которое они должны исполнять въ единеніи съ другими правительственными установленіями. О какомъ бы то ни было отождествленіи земства съ тѣми обществами товариществами и компаніями, о которыхъ говоритъ ст. 1 прил. къ ст. 134 гор. пол., не можетъ быть и рѣчи.

Но, въ такомъ случаѣ, казалось бы, вышеприведенное рѣшеніе Правит. Сената стоитъ въ прямомъ противорѣчїи со ст. ст. 127 и 134 гор. пол., равно какъ и со ст. 1 прил. къ ст. 134, и потому не можетъ быть признано правильнымъ.

1-й Департаментъ Правительствующаго Сената.

10 октября 1898 г.).

(Право земства по поводу объясненія отъ представителя удѣльнаго вѣдомства за отлучку изъ засѣданія безъ уважительныхъ причинъ; ст. 59 и 60 пол. о зем. учр.).

Меленковское уездное земское собраніе (Моск. губ.) потребовало постановленіемъ отъ 5 октября 1896 г. объясненія отъ представителя удѣльнаго вѣдомства по предмету самовольныхъ отлучекъ его изъ засѣданій означеннаго собранія. На это постановленіе, стряпчій Московскаго удѣльнаго округа, по уполномочію управленія означеннаго округа, принесъ жалобу въ Правительствующій Сенатъ.

Разсмотрѣвъ настоящее дѣло, Правительствующій Сенатъ находитъ, что ст. 59 и 60 полож. о зем. учр. (т. II св. зак. изд. 1892 г.), представляющія зем-

скимъ собраніямъ право обсужденія, по предложенію предсѣдателя собранія, причинъ неявокъ гласныхъ въ таковыя и наложенія, въ указанномъ закономъ порядкѣ, на нихъ за сіи неявки взысканія, относятся лишь къ гласнымъ, избраннымъ къ установленному закономъ порядкѣ (полож. о зем. учр. изд. 1890 г. отд. I, ст. 15—53), но не къ представителямъ вѣдомствъ, участвующимъ въ засѣданіяхъ собраній лишь на правахъ гласныхъ (ст. 57 пол. о зем. учр.). Посему и принимая во вниманіе, что допущеніе къ участію въ земскомъ собраніи представителей вѣдомствъ вызвано исключительно интересами сихъ послѣднихъ, и что поэтому отсутствіе ихъ въ собраніи, безъ уважительныхъ причинъ, является проступкомъ служебнымъ, выражающимся въ небрежномъ исполненіи возложенной на должностное лицо обязанности, но никакъ не можетъ быть рассматриваемо, какъ дѣяніе, направленное противъ порядка производства дѣлъ въ общественныхъ собраніяхъ, и что частые случаи уклоненія представителя какого-либо вѣдомства отъ участія въ засѣданіяхъ земскаго собранія могутъ дать лишь поводъ предсѣдателю собранія къ сообщенію о семъ заинтересованному вѣдомству, но не служить основаніемъ къ наложенію на такового представителя земскимъ собраніемъ взысканія въ порядкѣ ст. 60 пол. о зем. учр., Правительствующій Сенатъ признаетъ постановленіе меленковскаго уезднаго земскаго собранія объ истребованіи отъ представителя уезднаго вѣдомства Р. объясненій о причинахъ его отлучки неправильнымъ.

Аналогичное рѣшеніе Сената см. Право, 1898 г., № 3 стр. 51 и сл.

С.-Петербургскій Окружный Судъ.

(Нарушеніе чужой привилегіи на изобрѣтеніе.—Какими признаками опредѣляется понятіе новизны изобрѣтенія?—Эксплуатация изобрѣтенія до подачи прошенія о выдачѣ привилегіи).

Въ началѣ 80-хъ годовъ купецъ А. Шиллеръ изобрѣлъ способъ изготовленія бетонныхъ построекъ изъ металлическихъ каркасовъ, окруженныхъ утрамбованною массою бетона. Изобрѣтеніе это Шиллеръ экпонировалъ на выставкахъ 1884, 1885 и 1886 годовъ. Затѣмъ, 20 апрѣля 1889 г. онъ подалъ прошеніе о выдачѣ ему привилегіи, каковую онъ и получилъ 12 апрѣля 1894 года. На основаніи этой привилегіи онъ предъявилъ искъ къ технику В. Гюрлеру, требуя отъ послѣдняго вознагражденія убытковъ (10,000 р.) и утверждая, что отвѣчикъ производитъ свои работы по привилегированному способу. Послѣдній же, въ отвѣтъ своему, сослался на привилегію Монье, пріобрѣтенную имъ въ полнуж собственности еще въ 1886 году и также относящуюся къ производству бетонныхъ работъ на желѣзныхъ каркасахъ. Остальныя подробности дѣла явствуютъ изъ самаго рѣшенія, изъ коего, за недостаткомъ мѣста, мы принуждены привести только наиболѣе интересные отрывки.

«...Окружный судъ находитъ, что по дѣлу представляются исполнѣ доказанными слѣдующія положенія:

- 1) что Шиллеромъ былъ изобрѣтенъ совершенно самостоятельный способъ производства желѣзобетонныхъ работъ;
- 2) что именно способомъ Шиллера воспользовался отвѣчикъ при производствѣ желѣзобетонныхъ работъ въ Императорскомъ Зимнемъ дворцѣ, и

3) что способ трамбования, исключительно дающий должную прочность желѣзо-бетоннымъ сооружениямъ, составляетъ изобрѣтеніе Шиллера и есть способъ совершенно новый и впервые примѣненный Шиллеромъ къ его желѣзо-бетоннымъ сооружениямъ...

Обращаясь къ болѣе подробному и ближайшему разсмотрѣнію этихъ трехъ положеній, окружающихъ судъ въ отношеніи перваго положенія—о полной самостоятельности изобрѣтеннаго Шиллеромъ способа желѣзо-бетонныхъ работъ, находить, что такой выводъ получается прежде всего изъ непосредственнаго сравненія представленныхъ каждою стороною привилегій на производство желѣзо-бетонныхъ сооружений; при этомъ разсмотрѣнію суда подлежатъ *только две* привилегіи, а именно: выданныя истцу Шиллеру въ 1894 году и выданная иностранцу Юсифу Монье въ 1880 г., право эксплуатаціи которой приобрѣтено отвѣтчикомъ Гюртлеромъ въ 1886 году...

Изъ сопоставленія и сличенія привилегіи Шиллера съ таковою же Монье видно, что способъ желѣзо-бетонныхъ работъ Шиллера состоитъ въ томъ, что при производствѣ этихъ работъ бетонная масса въ *полусухомъ* видѣ постепенно укладывается въ разборныя формы и *утрамбовывается* особыми трамбовками, причемъ, для приданія изготовленному предмету болѣе прочной, употребляется особая система вертикальныхъ и горизонтальныхъ полосъ или проволокъ, которая переплетается постепенно по мѣрѣ наложенія и утрамбовки слоевъ бетона. При производствѣ же работъ по способу Монье устраивается для изготовленія предмета особый желѣзный остовъ изъ круглаго, четырехъугольнаго или плоскаго желѣза, смотря по надобности, и такой желѣзный остовъ или каркасъ *обтѣмливается* цементомъ такъ, чтобы онъ былъ совершенно закрытъ, вслѣдствіе чего металлъ, находящійся въ массѣ, предохраняется отъ окисленія и придаетъ остову болѣеую силу сопротивленія.

Изъ этихъ приведенныхъ описаній, помѣщенныхъ въ актахъ привилегій способовъ производства желѣзо-бетонныхъ работъ Шиллера и Монье, видно, что *сходство* желѣзо-бетонныхъ работъ Шиллера и Монье заключается въ примѣненіи какъ тѣмъ, такъ и другимъ изобрѣтателемъ желѣза въ соединеніи съ бетономъ, но *способъ изъ примѣненія* представляется въ самомъ ихъ основаніи совершенно различнымъ. Въ то время, какъ Шиллеръ употребляетъ бетонную массу въ *полусухомъ состояніи*, т. е. смоченную настолько незначительнымъ количествомъ воды, что сжатая въ кулакъ масса принимаетъ форму сжавшей ее руки, Монье эту же массу примѣняетъ въ *полужидкомъ состояніи*, т. е. въ состояніи, которымъ каркасъ *обтѣмливается, обмазывается*. Для приданія прочности своимъ издѣліямъ Шиллеръ уплотняетъ массу трамбованіемъ, т. е. примѣняетъ „уплотненіе ударами“ посредствомъ особыхъ трамбовокъ. Монье же въ своихъ работахъ, обтѣмливъ, обмазавъ каркасъ, заранѣе изготовленный, предоставляетъ времени уплотнить массу, путемъ ея высыхания, и, такимъ образомъ, о трамбованіи въ привилегіи Монье нѣтъ даже малѣйшаго намека. Хотя, затѣмъ, способы образованія желѣзныхъ остововъ у Шиллера и Монье различны, такъ какъ у перваго таковой образуется по мѣрѣ нарастанія массы и, по заключенію гг. экспертовъ, задуманъ весьма рационально, а у втораго впередъ изготовляется готовый каркасъ, но это различіе все-таки не играетъ той существенной роли, какую играетъ способъ уплотненія бетонной массы у того и другого изобрѣтателя. Примѣненіе уплотненія массы, т. е. трамбованіе ея въ соприкосновеніи съ желѣзомъ остова,—вотъ тотъ основной принципъ, тотъ краеугольный камень, на которомъ покоится изобрѣтеніе Шиллера, и этотъ способъ уплотненія единогласно признанъ экспертами

за единственный, дающій предмету, изъ желѣзо-бетонной массы изготовленному, болѣеую прочность и устойчивость. Въ то время, какъ работы, сооруженныя по способу Шиллера, т. е. по способу трамбования, съ большимъ трудомъ поддаются лому и зубилу, стѣнки сооружений, изготовленныхъ по способу Монье, представляются болѣе ноздреватыми, хрупкими и легко дающими трещины. Такимъ образомъ, все вышеизложенное несомнѣнно доказываетъ полную самостоятельность и самобытность изобрѣтенія Шиллера въ дѣлѣ желѣзо-бетонныхъ сооружений.

Переходя, затѣмъ, къ ближайшему обсужденію втораго положенія о томъ, что отвѣтчикъ Гюртлеръ работы въ Зимнемъ дворцѣ лѣтомъ 1894 года произвелъ именно по способу Шиллера, а не по тому, на право эксплуатаціи котораго имъ была приобрѣтена привилегія отъ Монье, окружный судъ находить, что это положеніе, составляющее основное доказательство настоящаго иска, подтверждается произведеннымъ 21 іюня 1895 года членомъ докладчикомъ К. А. Берхманъ осмотровъ въ зданіи Императорскаго Зимняго дворца. При осмотровъ одного изъ такихъ колодезевъ, на Милліонной улицѣ, въ числѣ прочихъ, сдѣланныхъ Гюртлеромъ и покрытыхъ сверху чугунною крышкою съ надписью „система Гюртлеръ“, оказалось, что только верхняя часть массы, изъ которой сдѣлана горловина колодца, хрупкая и легко дробится отъ ударовъ молотка, но на 1—2 вершка ниже горловины колодца настолько крѣпка, что съ очень большимъ усиліемъ можно было отбить хотя бы небольшой кусокъ массы. При этомъ эксперты признали, что производство бетонныхъ стѣнокъ этого колодца сдѣлано по способу трамбования, чѣмъ и объясняется необычайная ихъ прочность. Прочіе колодцы въ районѣ зданія Зимняго дворца произведены, по заявленію самого отвѣтчика Гюртлера, по способу трамбования, каковымъ способомъ онъ пользуется начиная съ 1886 года. Такимъ образомъ, представляется по дѣлу вполне доказаннымъ, что Гюртлеръ при производствѣ работъ въ зданіи Зимняго дворца для уплотненія стѣнокъ изъ бетонной массы пользовался способомъ, изобрѣтеннымъ не имъ, а Шиллеромъ... Желая парализовать несомнѣнно доказанный въ его работахъ пріемъ трамбования, на который имѣетъ право одинъ Шиллеръ, отвѣтчикъ старается доказать, что самое трамбованіе есть пріемъ давно уже извѣстный, примѣнявшійся другими лицами на практикѣ и не представляющій ничего въ изобрѣтеніи Шиллера новаго, а потому и не дающій ему права на исключительную его эксплуатацію. Въ доказательство этого послѣдняго отвѣтчикъ и просилъ произвести тѣ судебныя дѣйствія, которыя были допущены опредѣленіемъ суда 3—12 апрѣля 1896 года, а равно и представлялъ къ дѣлу рядъ бумагъ отъ тѣхъ должностныхъ лицъ и учреждений, по порученію и заказу коихъ онъ произвелъ желѣзо-бетонныя сооружения. Повѣрка всѣхъ этихъ возраженій и привела судъ къ установленію третьяго положенія о томъ, что способъ трамбования составляетъ самую суть изобрѣтенія Шиллера и является способомъ, совершенно новымъ и впервые примѣненнымъ Шиллеромъ къ его желѣзо-бетоннымъ сооружениямъ. Переходя, наконецъ, къ обсужденію доказательствъ этого третьяго положенія, окружный судъ находить, что первое доказательство въ подтвержденіе возраженія Гюртлера—показанія свидѣтелей, всецѣло опровергаетъ доводы отвѣтчика. Изъ показаній свидѣтелей Торніуса и Дунаева видно, что Шиллеръ эксплуатировалъ работы свои еще на выставкѣ 1884 года, для производства ихъ употреблялъ цементно-бетонную массу въ соединеніи съ желѣзомъ и желѣзнымъ каркасомъ и самую массу трамбовалъ, причемъ такой способъ практиковался имъ ранѣе 1883 года. Изъ показаній свидѣтелей Посохина, Петра Винева и Воякина видно, что способъ трамбования сталъ практиковаться въ мастерской Гюртлера

лишь съ 1888 года, а ранѣе или работали безъ каркаса, или же впослѣдствіи на каркасъ наматывали снаружи жидкую массу (по показанію свидѣтеля Винева каркасы дѣлались „намазные“). По показанію свидѣтеля Дунаева видно, что онъ первоначально работалъ у Шиллера и перешелъ на службу къ Гюртлеру въ 1888 году. Сопоставляя это послѣднее показаніе съ показаніемъ Посохина, Петра Винева и Воякина, оказывается, что начало примѣненія на заводѣ Гюртлера совпадаетъ со временемъ перехода къ нему на службу Дунаева, работавшаго до сего у Шиллера и указавшаго Гюртлеру преимуществъ способа трамбованія передъ способомъ обмазыванія и облѣпыванія...

Мы опускаемъ, затѣмъ, разсужденія окр. суда, имѣющія цѣлью доказать два положенія: 1) что, вопреки заявленію отвѣтчика, наиболѣе ранняя работа, произведенная имъ по способу трамбованія, относится къ 1888, а не 1886 году, и 2) что въ спеціальной литературѣ способъ трамбованія не былъ извѣстенъ вплоть до 90-хъ годовъ.

...Такимъ образомъ, этотъ краткій обзоръ указываетъ на то, что способъ трамбованія вовсе не былъ такимъ „общезвѣстнымъ“ способомъ, о которомъ заявляетъ отвѣтчикъ, и не былъ извѣстенъ до 1894 г., и если свѣдѣнія о способѣ трамбованія въ сочетаніи съ желѣзнымъ остовомъ могли проникнуть въ общество, то это путемъ сообщенія свѣдѣній отъ лицъ, близко стоявшихъ къ работамъ Шиллера, какъ это видно изъ показанія свидѣтеля Дунаева, отъ котораго, начиная съ 1888 года, могъ заимствовать способъ трамбованія и Гюртлеръ, послѣ перехода къ нему на службу рабочаго, прежде нѣсколько лѣтъ работавшаго у Шиллера. Совокупность вышеизложеннаго приводитъ судъ, вопли согласна и съ заключеніемъ гг. экспертовъ, къ выводу, что Шиллеру, какъ изобрѣтателю, потратившему много времени и труда (съ 1882 года) на усовершенствованіе своего изобрѣтенія, принадлежитъ существенно новая и оригинальная идея трамбованія (уплотненія) разнообразными трамбовками и въ разнообразныхъ формахъ cemento-бетонной массы въ соединеніи съ готовымъ каркасомъ или каркасомъ, изготовляемымъ по мѣрѣ работы, или въ смѣси съ кусками желѣза. На свое изобрѣтеніе Шиллеръ имѣетъ привилегію, выданную ему, послѣ пятилѣтнихъ настоячивыхъ ходатайствъ, въ департаментѣ торговли и мануфактуръ, куда заявленіе свое онъ подалъ въ 1889 году. *Въ выясненіе причинъ столь упорнаго нежеланія должностныхъ лицъ выдать изобрѣтателю привилегію на его изобрѣтеніе судъ не находитъ удобнымъ входить, тѣмъ болѣе, что Шиллеру по 187 ст. уст. о пром. принадлежитъ право преслѣдованія за поддѣлку его изобрѣтенія со дня подачи заявленія.* Повѣренный отвѣтчика, прис. пов. Холева, представилъ къ дѣлу 1 февраля 1896 года выписку о произведенныхъ и описанныхъ въ „Журналѣ Минист. Путей Сообщенія“ опытахъ желѣзо-бетонныхъ сооружений по системѣ Монье, въ которой стали примѣнять трамбованіе, однако эти опыты относятся къ 1890 и 1891 гг., т. е. ко времени послѣ подачи Шиллеромъ заявленія съ описаніемъ примѣняемаго имъ трамбованія и, согласно точному смыслу 187 ст. т. XI ч. 2 уст. о пром., первенство идеи трамбованія принадлежитъ Шиллеру, и посему этотъ документъ отвѣтчика не можетъ быть судомъ принятъ во вниманіе, какъ доказательство. Ссылка повѣреннаго отвѣтчика на урочное положеніе 1869 г., въ которомъ въ параграфахъ 363 и 364 описывается приготовленіе бетона, какъ на доказательство трамбованія еще въ 1869 году, не можетъ быть судомъ принята за доказательство по настоящему дѣлу. Что трамбованіе вообще, какъ уплотненіе ударами твердыхъ тѣлъ, существуетъ съ незапамятныхъ временъ, извѣстно каждому, и изобрѣтеніе Шиллера, какъ достаточно точно, ясно и опредѣленно выяснено выше, заключается не только въ идеѣ трамбованія вообще, а въ

сочетаніи полусухой бетонной массы съ желѣзомъ, въ томъ или другомъ видѣ, при посредствѣ трамбованія, которымъ достигается приданіе большей прочности предмету. Изъ урочнаго положенія, вышеозначеннаго, видно только *сочетаніе бетона съ камнемъ, но не бетона съ желѣзомъ и способомъ, совершенно другимъ*—здѣсь уплотненіе бетона въ водѣ и въ растворѣ со щелочью, а у Шиллера трамбованіе въ полу-сухомъ видѣ...

Эксперты единогласно и категорически высказались, что идея трамбованія станвится общезвѣстною въ 1890 г., и если допустить, что Гюртлеръ и примѣнялъ ее въ 1888 году, то это служить лишь доказательствомъ того, что, узнавъ отъ Дунаева о преимуществѣ этого способа, изобрѣтателю и примѣненнаго Шиллеромъ, онъ, примѣняя его у себя на заводѣ, пользовался плодами чужой идеи, на которую онъ, Гюртлеръ, не потратилъ ни труда ни времени. Вышеизложенныя обстоятельства дѣла и соображенія суда доказали полное право Шиллера на отысканіе убытковъ съ Гюртлера, причиненныхъ ему эксплуатациею его изобрѣтенія при работахъ въ Императорскомъ Зимнемъ дворцѣ въ 1894 году, причѣмъ самый размѣръ убытковъ судъ не находилъ возможнымъ въ настоящее время опредѣлить, а потому, по точному смыслу 896 ст. уст. гр. суд., считаетъ правильнымъ предоставить истцу отыскивать таковыя въ порядкѣ исполнительнаго производства.

Русскимъ судамъ до сихъ поръ рѣдко приходится заниматься вопросами о нарушеніи привилегій. Поэтому, никакая установившейся практики относительно института изобрѣтательскаго права въ Россіи до сихъ поръ не существуетъ: большинство изъ состоявшихся доннынъ рѣшеній (о швейной машинѣ, о гидравлической трансмисси для сахароваренныхъ заводовъ и т. д.) отличаются угловатостью и облачаютъ неумѣнне взыскать сразу за сущность дѣла. Совѣтъ иное впечатлѣніе производитъ приведенное рѣшеніе по дѣлу Шиллера: его можно поставить наряду съ лучшими постановленіями американскихъ судовъ и нѣмецкаго Патентамъ. Особеннаго же вниманія заслуживаетъ то искусство, съ которымъ изложены довольно сложныя техническія подробности. Не даромъ знатоки патентнаго права утверждаютъ, что въ дѣлахъ о привилегіяхъ эти техническія подробности обыкновенно пугаютъ только на первый взглядъ: въ сущности же, онѣ всегда могутъ быть сведены къ простой дилеммѣ, понятной для всякаго здравомыслящаго человѣка, хотя бы и не посвященнаго въ тайны, напр., строительнаго искусства. Дѣйствительныя трудности — какъ и во всякомъ другомъ искѣ—могутъ и въ патентныхъ спорахъ возникать только на почвѣ чисто-юридическихъ контраверсъ. Настоящее дѣло вполне подтверждаетъ это мнѣніе, все болѣе и болѣе распространяющееся за границей. Въ самомъ дѣлѣ, мы видимъ, что—рядомъ съ образцово-изложенными техническими подробностями дѣла—гораздо менѣе рельефно редактированы вопросы *права*, т. е. отвѣтъ на послѣдній изъ трехъ поставленныхъ судомъ тезисовъ: „способъ трамбованія.. составляетъ изобрѣтеніе Шиллера, и есть способъ совершенно новый и впервые примѣненный Шиллеромъ“. По нашему мнѣнію, въ этой редакціи вопроса недостаточно ясно расчленены двѣ самостоятельныя стороны дѣла. Дѣйствіе всякой привилегіи зависитъ отъ двухъ факторовъ: 1) отъ того, насколько изобрѣтеніе было самостоятельно, самобытно, ново въ тотъ моментъ, когда оно было сдѣлано (Originalität der Erfindung) и 2) отъ того, насколько оно было ново, (т. е. не общеизвѣстно въ смыслѣ ст. 181 и 197 уст. о пром.) *въ моментъ подачи прошенія* о выдачѣ привилегіи (Neuheit der Erfindung въ техническомъ смыслѣ). Такимъ образомъ, всякое изобрѣтеніе должно быть новымъ въ этихъ двухъ, весьма различныхъ, смыслахъ.

Что касается вопроса об *оригинальности* изобрѣтѣнія Шиллера, то онъ разобранъ исчерпывающимъ образомъ. Но остается еще второй вопросъ: осталось ли изобрѣтѣние Шиллера *новымъ*, ему одному извѣстнымъ и къ моменту подачи прошенія? Обстоятельства дѣла, какъ бы, доказываютъ противное: до 20-го апрѣля 1839 года (день подачи прошенія) изобрѣтѣние уже экспонировалось на трехъ выставкахъ и было извѣстно Гюртлеру (самое рѣшеніе гласитъ: „изъ показаній свидѣтелей... видно, что способъ трамбованія сталъ практиковаться въ мастерской Гюртлера лишь (?) *съ 1838 года*“). Такимъ образомъ, на основаніи п. 2 ст. 197 уст. о пром., казалось бы, слѣдовало привилегію Шиллера „прекратить“. Возможно, однако, и противоположное мнѣніе; мы считаемъ его даже и болѣе правильнымъ. Но вся бѣда въ томъ, что это второе мнѣніе требуетъ глубокаго и очень сложнаго обоснованія: судъ же привалъ его точно мимоходомъ, не обмолвившись ни словомъ объ аргументахъ.

Въ доказательство нашихъ словъ мы позволимъ себѣ привести цитату: „... и если свѣдѣнія о способѣ трамбованія въ сочетаніи съ желѣзнымъ остовомъ могли *проникнуть въ общество*, то это путемъ сообщенія свѣдѣній отъ лицъ, близко стоявшихъ къ работамъ Шиллера“. Въ приведенныхъ словахъ предполагается очевиднымъ отвѣтъ на такую контраверзу, которая во Франціи создала дѣльную литературу (Mainié. Nouveau traité des brevets, §§ 1765 — 1771). Какъ извѣстно, вопросъ о потерѣ новизны вслѣдствіе недобросовѣстности рабочихъ изобрѣтателя рѣшается различно, въ зависимости отъ того, какого взгляда держится законодательство на самый актъ выдачи патента. Въ тѣхъ странахъ, гдѣ привилегія конструируется, какъ награда или плата изобрѣтателю за разоблаченіе ему одному извѣстныхъ секретовъ (Франція), юристы послѣдовательно отвѣчаютъ на поставленный выше вопросъ отрицательно: хотя бы и путемъ злоупотребленія довѣрія, но рабочий открылъ обществу секретъ; изобрѣтатель, слѣдовательно, не располагаетъ болѣе эквивалентомъ за просимый патентъ; онъ можетъ искать убытковъ съ рабочаго, но защита путемъ привилегіи ему болѣе недоступна. Наоборотъ, въ тѣхъ государствахъ, гдѣ (С. Штаты) патентъ конструируется, какъ способъ получения вознагражденія за потраченный плодотворный трудъ—вопросъ рѣшается въ прямо противоположномъ смыслѣ, ибо недобросовѣстность рабочаго не можетъ уничтожить факта творчества, за которое изобрѣтатель сохраняетъ возможность получить патентъ. Практически, и тотъ и другой отвѣтъ на указанную контраверзу можетъ повести къ громаднымъ затрудненіямъ. И дѣйствительно, съ одной стороны, третьи лица могутъ быть поставлены въ очень неудобное положеніе, если мы примемъ систему разбираемаго рѣшенія: фабриканты известной отрасли узнаютъ о какомъ-нибудь новомъ способѣ работы; они принимаютъ этотъ способъ и дѣлаютъ большія затраты для приведенія его въ дѣйствіе; а черезъ годъ-два оказывается, что „свѣдѣнія объ этомъ способѣ проникли въ общество путемъ недобросовѣстности рабочихъ изобрѣтателя“, что послѣдній подалъ прошеніе о выдачѣ привилегіи и что способъ переходитъ отнынѣ въ категорію монополизированныхъ. Съ другой стороны, противоположная система оставляла бы изобрѣтателей на произволъ перваго недобросовѣстнаго рабочаго, переманеннаго на-сторону.

ну.. Слѣдовательно, мы имѣемъ дѣло со сложнымъ вопросомъ,—и не аподиктическими приемами можно его рѣшить: въ законѣ вѣдь объ этомъ нѣтъ ни слова.

Но предположимъ, что судъ заданъ возвышенною дѣлью творческаго заполнения пробѣловъ въ законѣ: при этомъ требуется громадная осторожность. Можно, напримѣръ, принять систему игнорированія тѣхъ разоблаченій о сущности содержимаго въ секретѣ изобрѣтѣнія, которыми общество обязано нескротнымъ рабочимъ—но въ такомъ случаѣ необходимо „творить до конца“ и принять важный коррективъ: „die Vorbehaltung“, право предварительнаго пользования. Этотъ институтъ признанъ, напр., въ Германіи (ст. 5, 1^о) и заключается въ томъ, что дѣйствіе патента не распространяется на тѣхъ третьихъ лицъ, которыя пользовались даннымъ изобрѣтѣніемъ, хотя бы и секретно,—до момента подачи прошенія изобрѣтателемъ. При такомъ коррективѣ, можно было бы безопасно принять предлагаемую рѣшеніемъ систему, такъ какъ тогда нескротными рабочими не вредили бы ни изобрѣтателю ни заинтересованнымъ третьимъ лицамъ. И это, конечно, въ законѣ не упомянуто,—а судомъ не разъяснено.

Отмѣтимъ, наконецъ, еще одинъ отрывокъ: „... узнавъ отъ Дунаева о преимуществѣ этого способа, изобрѣтѣннаго и примѣннаго Шиллеромъ, онъ (Гюртлеръ), примѣняя его у себя на заводѣ, пользовался плодами чужой идеи, на которую онъ, Гюртлеръ, не потратилъ ни труда, ни времени“. И эта цитата свидѣтельствуеетъ о томъ, что судъ былъ проникнутъ наиболѣе возвышенными и симпатичными взглядами на творчество изобрѣтателя, но при этомъ иногда доходилъ до уклоненія отъ точнаго смысла законовъ. Въ самомъ дѣлѣ: въ Россіи, такъ же какъ и во всемъ остальномъ мірѣ, пользоваться чужими идеями, не потративъ на нихъ ни труда ни времени, никому не запрещено. Дѣйствіе *привилегіи* Гюртлеръ оспариваетъ—судъ же упрекаетъ его въ томъ, что онъ воспользовался чужою идеєю. Если бы такое пользование давало въ Россіи возможность искать убытковъ—тогда бы не было надобности ни въ какихъ законахъ о привилегіяхъ. И здѣсь, слѣдовательно, опять судъ высказалъ очень интересную мысль, но ничѣмъ ея не обосновалъ.

Все это позволяетъ намъ сказать, что разбираемое рѣшеніе заслуживаетъ всякаго вниманія: 1) за прекрасную разработку технической контраверзы и 2) за стоящую на высотѣ требованій современной науки тенденцію возможно интензивнѣе охранить изобрѣтателя. Но съ точки зрѣнія чистаго права—данное рѣшеніе къ числу принципиальныхъ причислено быть не можетъ: мотивировка его слаба и недостаточна.

Въ заключеніе мы приведемъ еще одну цитату: „Въ объясненіе причинъ столь упорнаго нежеланія *должностныхъ лицъ* выдать изобрѣтателю привилегію на его изобрѣтѣніе судъ *не находитъ удобнымъ входить*“. Мы считаемъ эту фразу неудобно-рѣзкою по формѣ и несправедливою по существу: 1) пятилѣтній срокъ разсмотрѣнія изобрѣтѣній былъ совершенно нормальнымъ въ тѣ времена, когда дѣйствовалъ нынѣ благополучно сланный въ архивъ отдѣлъ устава о пром., касающійся привилегіи; 2) за эти пять лѣтъ, какъ извѣстно, Шиллеръ *трижды* начиналъ дѣло сызнова такъ что совѣтъ торговли и мануфактуръ трижды былъ принужденъ разсматривать его изобрѣтѣніе.

При этомъ № годовымъ подписчикамъ разсылаются 3—5 листы рѣшеній гр. насс. департ. Пр. Сената за 1898 г.

Редакція покорнѣйше проситъ гг. подписчиковъ, не получившихъ 4-хъ номеровъ газеты за 1898 г., заявить ей объ этомъ, послѣ чего эти №№ будутъ имъ вновь высланы.